

УДК 93/94

ТРИ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА АКУЛИНИНА*
(ЧАСТЬ 3)

© А.В. Ганин

Очерк посвящен реконструкции биографии одного из видных деятелей Белого движения на Востоке России генерала И.Г. Акулинина.

Ключевые слова: И.Г. Акулинин, Оренбургское казачье войско, Генеральный штаб, эмиграция.

THREE LIVES OF GENERAL AKULININ
(PART 3)

© A.V. Ganin

The sketch represents a biographic research of general Ivan Akulinin as one of the principle personalities of the White movement in the East of Russia.

Key words: I.G. Akulinin, Orenburg Cossack Host, General Staff, Emigration.

В эмиграции

С согласия властей, беженцев разместили в самом Дубровнике, в котором тогда проживало около 6000 человек. Численность беженцев равнялась почти половине местного населения, и город был явно не способен принять такое количество иммигрантов. Для их размещения были отведены казармы Святой Марии, Мол, Равелин, две бывших гостиницы «Банац» и «Де Виль», а также небольшая частная вилла «Элиза» [64, с. 43]. Продовольствие заготавливал питательный пункт Американского Красного Креста, передававший его продовольственным комиссиям из представителей беженцев. Паек включал хлеб, горячую мясную пищу два раза в день и кипяток. Женщины и дети, кроме того, получали горячее какао, молоко, снабжались одеждой и бельем.

Жизнь на беженское пособие в 400 динаров в месяц, очевидно, не устраивала 38-летнего генерала. Тем более что в Югославии он оказался вместе со своей второй супругой Тамарой Константиновной Челюкаевой (по первому мужу, урожденная Чер-

дилели). Она родилась 2 марта 1884 г. в Темир-Хан-Шуре. К сожалению, время ее бракосочетания с Акулининым неизвестно, однако из России он эмигрировал, видимо, уже с ней. В 1920 г. она оказалась в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а в 1921 г., по некоторым данным, переехала в Париж, где выступала в качестве хористки в Русской опере. В 1929–30 гг. она гастролировала в составе труппы по Германии, США и Мексике. Пела в Париже в хоре часовни Chapelle des Croisées. В 1938 г. пела на вечере русской народной песни, организованном Русским народным университетом. После войны устроилась на работу делопроизводителем и секретарем. Последние годы жизни провела в Русском доме в Кормей-ан-Паризи, где скончалась 31 августа 1960 г. и была похоронена там же на местном кладбище [68, с. 31].

На новом месте Акулинин, прежде всего, попытался устроиться на работу. 15 февраля 1921 г. он написал рапорт российскому военному агенту в КСХС с соответствующим прошением на имя Военного министра КСХС: «Желая поступить на должность лектора в Военной академии или получить другое соответствующее назначение, прошу не отказать в зачислении

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

Рис. 1. И.Г. Акулинин в эмиграции
В архивном качестве публикуется впервые

меня на военную службу в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Генерального штаба генерал-майор Акулинин» [35, л. 134]. Опыт преподавательской работы у Акулинина имелся, так как в 1916–1917 гг. он преподавал тактику во Владимирском военном училище и в Пажеском корпусе.

Проблемы возникли уже при составлении краткой записки о службе, в связи с тем, что послужной список И.Г. Акулинина и другие его документы пропали в годы революции и Гражданской войны, будучи оставленными по местам прежней службы генерала: в Штабе Главнокомандующего в Омске, в Войсковом штабе Оренбургского казачьего войска и в Главном управлении Генерального штаба в Петрограде. За правильность краткой записки о службе И.Г. Акулинина поручился Генерального штаба полковник А.Л. Мариюшкин. Между прочим, чтобы устроиться на службу Акулинин убавил себе три года, указав в краткой записке о службе, что родился в 1883 г., а, кроме того, отметил, что общее образование получил в классической гимназии, а не в Верхнеуральском двухклассном городском училище, как значилось в дореволюционных документах [35, л. 134]

будущего генерала¹. В том же 1921 г. Акулинин перебрался в столицу КСХС – Белград, где вступил в белградское Общество русских офицеров Генерального штаба [26, л. 26].

25 декабря 1921 г. Акулинин выступил перед членами Общества с докладом на тему «Советская Россия в конце 1921 года», в котором привел статистические данные, свидетельствующие об ужасающей разрухе в стране и заявил: «...«С еще большей уверенностью можно говорить о неизбежности падения коммунистической власти. Но ставить сроки было бы легкомысленно». Этими словами профессора С.Ф. Ольденбурга² я (И.Г. Акулинин. – А.Г.) заканчиваю свой доклад. Задача всех антибольшевистских сил – и в частности задача офицеров Генерального штаба – всеми силами и средствами содействовать ускорению падения коммунистической власти. Вооруженная борьба для нас пока закончилась неудачно. Но наши идеи, за которые мы бо-

¹ В некрологе и большинстве справочных статей об Акулине указывалось, что он родился в 1879 г., указания на год рождения И.Г. Акулинина (1880) и полученное образование содержатся в делопроизводстве Русской императорской армии (Российский гос. Военно-исторический архив. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 8. Л. 7 об.; Д. 15. Л. 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 654). К сожалению, послужного списка Акулинина, который мог бы окончательно прояснить этот вопрос, в архивах Москвы и Оренбурга обнаружить не удалось. В списке Генерального штаба допущена ошибка в отношении общего образования И.Г. Акулинина: вместо Верхнеуральского двухклассного городского училища, расположенного в г. Верхнеуральске, – неподалеку от станицы, в которой родился И.Г. Акулинин, – там указано Верхнеудинское.

² Ольденбург Сергей Федорович (14.09.1863 – 28.02.1934) – ученый-востоковед. Непременный секретарь Академии наук (1904–1929). Член кадетской партии. Депутат 4-й Государственной Думы. Член Государственного совета. Член ЦК партии кадетов (1917). Министр народного просвещения во Временном правительстве (24.07–25.09.1917). Осудил большевистский переворот. Боролся против гонений на деятелей науки и культуры. Арестован (1919). В дальнейшем сотрудничал с советской властью. Директор института востоковедения Академии наук СССР (1930–1934). Академик Академии наук СССР.

ролись, не побеждены. Чтобы повести новую борьбу, мы, как представители военной науки, должны начать с изучения нашего врага. Начало этому положено организацией наших докладов и бесед. И в этом отношении Общество Офицеров Генерального штаба стало на правильный путь. Только наша работа и должна идти более интенсивным темпом, и захватить в свой водоворот более широкие круги антибольшеви[с]тского фронта, чтобы общими усилиями создать тот могучий девятый вал, который, наконец, опрокинет и смочет с нашей Родины чужеродную ей коммунистическую власть» [34, л. 18 об.].

По данным на весну 1922 г., Акулинин устроился на работу в Державной комиссии в Белграде [37, л. 77]. В короткий период своего пребывания в КСХС Акулинин помогал оказавшимся на чужбине бывшим участникам антибольшевистской борьбы в рядах Оренбургской армии, выдавая им удостоверения о политической благонадежности [36, л. 118]. Эти бумаги имели большое значение для трудоустройства русских эмигрантов и их участия в общественной жизни. К сожалению, документов по югославскому периоду жизни и деятельности генерала Акулинина практически не сохранилось. Как писал исследователь русской эмиграции в Югославии инженер А.Б. Арсеньев: «...здесь, в Сербии они (Акулинин и его супруга. – А.Г.) не оставили след» [63]. Это обстоятельство, на наш взгляд, можно объяснить кратковременностью пребывания Акулининых в КСХС, так как уже в конце 1922 г. они обосновались в Берлине, где разместились в пансионе Гюнтера (Pension Günther) [32, л. 2 об.]. В 1922–1923 гг. Акулинин проживал в Берлине, а затем переехал в Мюнхен.

Период пребывания Акулинина в эмиграции позволяет глубже понять как проблемы истории казачьей эмиграции, одним из лидеров которой являлся генерал, так и проблемы адаптации русских эмигрантов к новым для них условиям существования в изгнании. В казачьей среде, состоявшей в Европе, в основном, из представителей Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, оренбургский казачий генерал был на первых порах мало кому известен. На-

помним, что в годы Гражданской войны он был вторым после атамана Дутова лицом на территории огромного Оренбургского казачьего войска, да и, пожалуй, всего Южного Урала. В эмиграции социальный статус Акулинина значительно понизился – теперь он стал простым русским беженцем, которого, к тому же, мало кто знал, даже среди казаков. И это в обстановке подозрительности, существовавшей в белой эмиграции и обусловленной многочисленными случаями ее инфильтрации советскими агентами (добавим, что генерал Акулинин не имел при себе документов, подтверждавших его активное участие в антибольшевистском движении на Восточном фронте)!

В результате казачьему генералу пришлось добиваться признания в эмигрантской среде посредством активной общественной и литературной деятельности. И, надо сказать, за долгие годы пребывания вдали от Родины Акулинин смог завоевать доверие как казачьей, так и неказачьей эмиграции. Особое положение генерала как представителя одного из восточных казачьих войск в Европе имело для него и свои плюсы – на протяжении двух с лишним десятилетий Акулинин представлял в Европе казачьи войска востока России, занимал, отчасти из-за этого, должности в руководстве различных эмигрантских организаций и постоянно находился в центре внимания русской общественности.

Тот факт, что в эмиграции генерал Акулинин проявил себя в качестве незаурядного исследователя, историка и публициста, на наш взгляд, не случаен. Литературная деятельность для генерала Акулинина была не только призванием, но и, в какой-то степени, вынужденной необходимостью для восстановления своего прежнего статуса. Количество опубликованных им работ, с учетом трудностей эмигрантского существования, впечатляет. На данный момент в различных периодических изданиях и сборниках, выходивших в эмиграции, нами выявлено свыше 80 публикаций Акулинина, включая две написанные им книги. Очевидно, что удалось выявить далеко не все. Некоторые статьи и заметки Акулинин публиковал под псевдонимом «Оренбурец»

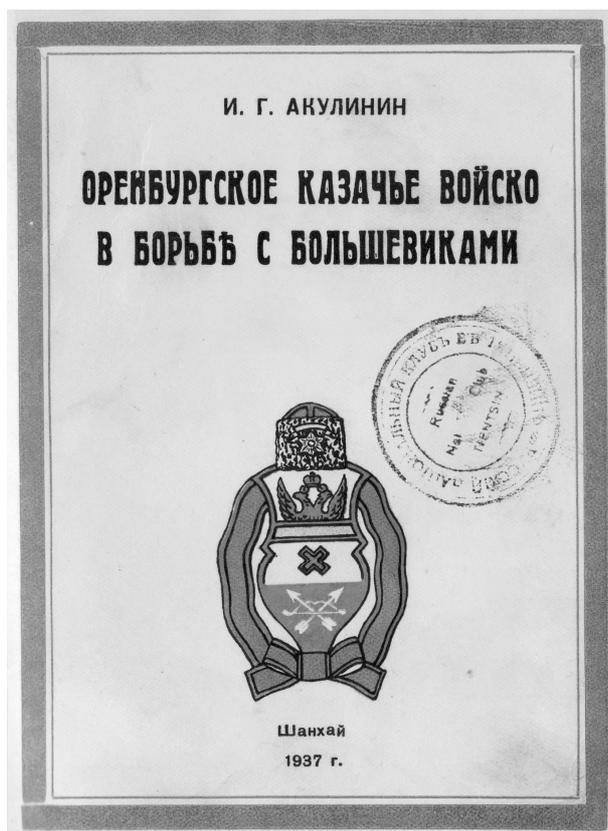

Рис. 2. Обложка книги И.Г. Акулинина

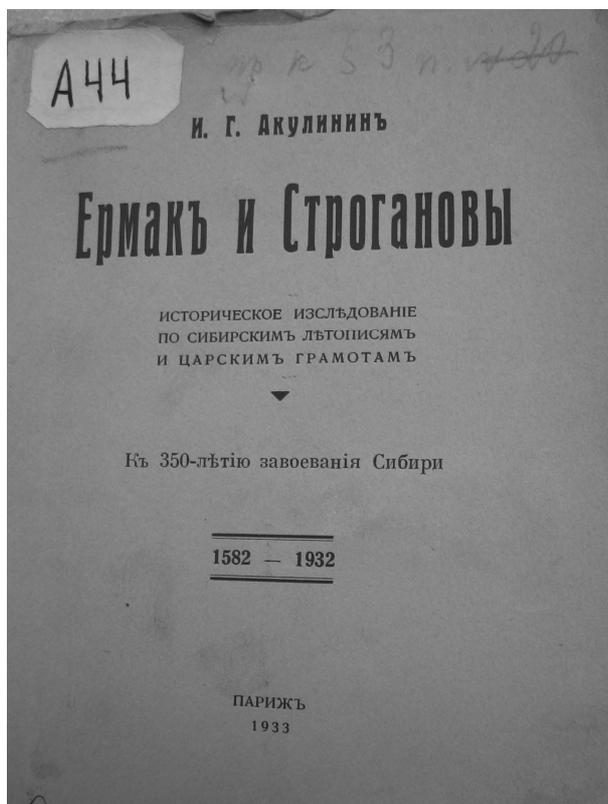

Рис. 3. Обложка книги И.Г. Акулинина

или под различными аббревиатурами, а иногда и вообще без указания авторства, что существенно усложняет выявление

опубликованных им работ. При этом трудно назвать такое казачье периодическое издание правого или центристского толка, выходившее в Западной Европе 1920–30-х гг., в котором не было хотя бы одной статьи Акулинина. В этот период были изданы его исследования, посвященные истории Гражданской войны в России и истории казачества, а также художественная проза, – в основном небольшие рассказы из казачьего быта, знатоком которого являлся Акулинин.

В декабре 1922 г. в берлинской газете «Руль» под заголовком «Общеказачья организация» вышла статья Акулинина, посвященная проблемам казачества в Югославии. Автор, осудив разрозненность зарубежного казачества, отметил, что «разрешение казачьей проблемы за границей – есть, прежде всего, вопрос экономический» [69, с. 2].

Когда 6–7 февраля 1921 г. в Суйдине был убит атаман Дутов, возникла проблема сохранения преемственности атаманской власти. Заместителем атамана с 1 марта стал генерал-майор Н.С. Анисимов, избранный на этот пост организационным собранием оренбургских казаков в Харбине. Он располагал значительными денежными суммами (свыше ста тысяч золотых рублей), полученными от атамана Г.М. Семёнова на поддержку оренбуржцев в Китае. Этот факт и стал одной из основных причин избрания Анисимова на атаманский пост [54, с. 114].

Позднее, уже после падения Белого Приморья, стало известно, что Анисимов промотал все войсковые капиталы. Ему немедленно было выражено недоверие, а Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков был избран генерал Акулинин. В приказе по Оренбургскому казачьему войску от 6 мая 1923 г., изданном в Харбине, говорится: «Организационное собрание Оренбургских казаков, протоколом от 16 февраля 1923 г. постановило: генерала Анисимова лишить полномочий заместителя Войскового атамана и избрать Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков Генерального штаба генерала Ивана Григорьевича Акулинина, находящегося в Западной Европе...» [54, с. 121].

О своем избрании атаманом Акулинин узнал лишь в июне 1923 г. На новом посту он стал активно добиваться трудоустройства казаков своего войска, разбросанных по всему миру, чтобы хоть в какой-то мере облегчить их тяжелое положение в эмиграции. Обращался по этому вопросу в Лигу Наций, Американский Красный Крест, Русский Комитет в Нью-Йорке и другие организации.

Акулинин считал необходимым «употребить все усилия на то, чтобы казаки, разбросавшись по разным странам, не превратились в человеческую пыль, а наоборот – сохранили между собою тесную спайку и в нужный момент выявили свое казачье лицо» [32, л. 2]. Свой пост Войскового атамана зарубежных оренбургских казаков Акулинин, судя по всему, сохранял до конца жизни³. В то же время пост этот постепенно становился чисто номинальным, поскольку оренбургская казачья эмиграция из-за своей малочисленности и разбросанности по различным регионам никогда не являлась сколько-нибудь сплоченной группой внутри казачьей эмиграции, а к началу Второй мировой войны практически исчезла.

Являясь с 1923 г. представителем Восточного казачьего союза (Харбин) в Западной Европе, генерал Акулинин состоял в переписке с Великим князем Николаем Николаевичем, Председателем Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, донским атаманом Генерального штаба генерал-лейтенантом А.П. Богаевским и другими видными деятелями русского зарубежья [44, л. 1–1об.; 72, с. 13–17].

Акулинин продолжал предпринимать шаги по оказанию помощи оренбургским казакам. Через Харбин и Ханькоу он наладил связь с руководителями казачьих отрядов в Западном Китае. По данным на июнь 1923 г. он представил в Совет послов докладную записку с описанием их тяжелого положения в лагерях Западного Китая. Одним из путей облегчения участи казаков-

эмигрантов был их перевод в полосу отчуждения КВЖД, в направлении чего предпринимались меры [16]. Насколько можно судить, из-за отсутствия средств оказать помощь Совет послов не смог.

Акулинин добивался помощи своим землякам, обращаясь к целому ряду организаций, писал даже в Лигу Наций, Американский Красный Крест и другие организации. 30 мая 1923 г. Акулинин написал в этой связи из Мюнхена письмо представителю Врангеля генералу И.А. Хольмсену. Текст письма очень похож на другое его обращение к председателю Народного союза защиты Родины и свободы (Варшава) Б.В. Савинкову от 5 сентября 1923 г. [73, с. 90–91] Акулинин добивался, прежде всего, трудоустройства оренбургских казаков, разбросанных по Азии, путем их вывоза в Европу или Америку.

Обращаясь к Савинкову, он отмечал: «Начиная с конца 1922 г., я стал получать письма от офицеров и рядовых казаков, которые, обрисовывая свое тяжелое положение, просили о помощи.

В настоящее время от отдельных групп Оренбургских казаков мне присланы официальные полномочия на ведение всякого рода дел и ходатайств.

Судя по всем данным, положение Оренбургских казаков, находящихся в Китае, действительно, тяжелое и помощь им – в том или другом виде – безусловно, необходима.

Мои просьбы, обращенные к некоторым русским организациям, пока успехом не увенчались. От одних организаций я получил уведомление, что, за неимением средств, оказать материальную поддержку казакам они не в состоянии; другие же – обошли этот вопрос молчанием.

На мое ходатайство перед Лигой Наций⁴ Верховный Комиссариат по делам

³ И в 1937, и в 1939 гг. Акулинин упоминался как заместитель Войскового атамана Оренбургского казачьего войска (Гос. архив Российской Федерации. Ф. Р-6711. Оп. 1. Д. 23. Л. 42 об.; Часовой. 1939. № 228–229. 01.02. С. 3).

⁴ Лига Наций – международная организация, созданная в 1919–20 гг. странами Антанты (Великобритания, Франция, Италия, США, Япония) и вновь образованными государствами (Польша, Чехословакия) в целях развития сотрудничества и сохранения мира между народами. Позднее в Лигу Наций вступили и другие страны. В 1946 г. Лига Наций была упразднена.

русских беженцев⁵ сообщил мне, что он войдет с представлением перед Китайским Правительством по поводу улучшения общего положения казаков и поднимет вопрос о перевозке отряда, находящегося в Кульдже, в полосу отчуждения Кит. - Вост. жел. дор.

Но устроиться всем казакам в пределах Китая не представляется возможным. Работы, по большей части, носят временный или случайный характер, а во многих местах совершенно нет никаких заработков. Выходом из такого положения для неустроенных казаков является организованный переезд их в Америку, при этом Харбинская группа (500 человек) наметила Канаду, а Пекин-Тяньцзинская (300 человек) – район Сан-Франциско, где казаки предполагают сесть на землю. Но это только пожелания. Вообще же казаки готовы поехать в любое место Америки, лишь бы найти работу.

В виду просьб казаков я возбудил ходатайство перед Верховным комиссаром по делам русских беженцев, Американским Красным Крестом и Русским комитетом в Нью-Йорке о [б] их содействии по перевозке и устройству казаков в Америке.

Для нас, бывших руководителей казаков, к которым они и по сие время обращаются за советом и указаниями, важно, прежде всего, чтобы наши станичники нашли себе на чужбине обеспеченный кусок хлеба. Но, кроме материального благополучия, на нас лежит обязанность заботиться и об организации казаков. Мы должны употребить все усилия на то, чтобы казаки, разметавшись по разным странам, не превратились в человеческую пыль, а наоборот – сохранили между собою тесную спайку и в нужный момент выявили свое казачье лицо.

В этом отношении положение оренбургских казаков в эмиграции самое пе-

чальное. После трагической смерти атамана Дутова и гибели Войскового правительства⁶ у них не осталось – ни объединяющего органа, ни денежных средств. Чтобы положить конец «безголовью», Президиум организационных собраний оренбургских казаков в Харбине совместно с представителями групп, в своем заседании 16 февраля с. г., избрал меня атаманом всех оренбургских зарубежных казаков, о чем я получил уведомление лишь в июне месяце с. г. Прежде чем дать свое согласие, я запросил Президиум О. С. О. К. о некоторых деталях и мнениях некоторых казачьих кругов, не участвовавших – глав. образ. за дальностью расстояний – в моем избрании. Меня больше всего смущает в предстоящей роли – это полное отсутствие средств у Оренбургских казаков, без чего немислима никакая организационная работа и даже простая переписка.

В поисках этих средств я и обращаюсь к Вам за содействием. Не может ли Ваша организация уделить Оренбургским казакам посильную для нее сумму денег на организационные по объединению казаков расходы и на оказание казакам помощи в экстренных и неотложных случаях. Деньги эти составят общее достояние всех Оренбургских зарубежных казаков, будут израсходованы под контролем и явятся долгом Оренбургского казачьего войска.

О результатах рассмотрения настоящего ходатайства, – если таковые последуют – прошу не отказать меня уведомить, дабы я мог послать соответствующее извещение своим станичникам на Дальнем Востоке.

---

⁶ Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска – верховный орган исполнительной власти в Оренбургском казачьем войске. Председателем правительства являлся Войсковой атаман. Во время отсутствия атамана председательствовал его помощник. После падения Троицка правительство переехало в Орск, а затем с отступающими частями Южной армии двигалось к городам Тургай и Атбасар. Добравшись до Омска незадолго до его падения, Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска выехало далее на Иркутск по железной дороге. Под Красноярском из-за взрыва моста образовался затор, и поезд с Войсковым правительством проехать на восток не мог. Все члены правительства с Войсковыми регалиями и казной попали в плен к красным.

---

⁵ Верховный комиссариат по делам русских беженцев был создан при Лиге Наций. Верховным комиссаром являлся Фритьоф Нансен (1861–1930) – норвежский ученый, исследователь Арктики и общественный деятель. В 1922 г. по инициативе Нансена для русских эмигрантов были введены временные удостоверения личности, получившие название «нансеновские паспорта».

В случае необходимости представления каких-либо дополнительных сведений или справок, таковые мною будут присланы по первому требованию.

Прошу великодушно простить меня за причиняемое Вам беспокойство и принять уверения в совершенном к Вам почтении и преданности» [73, с. 90–91].

Генералом была составлена памятная записка об оренбургских казаках, которую генерал прикладывал к ходатайствам в качестве справочного материала. Памятная записка состояла из двух частей: в первой части автор приводил краткий очерк участия оренбургского казачества в гражданской войне и исхода его в эмиграцию, во второй части документа речь шла о современной (на момент написания записки) жизни оренбургских казаков за рубежом. Автор записки, указывая на безысходность положения многих казаков в эмиграции, приводил своего рода угрозу возможной сдачи казаков «на милость Советской власти» и предлагал ряд мер по выходу из сложившейся ситуации. Фрагменты записки были опубликованы Акулининым в анонимной статье «Оренбургские казаки на Дальнем Востоке» в журнале «Казачьи Думы» № 7 за 1923 г.

В 1924 г. Акулинин из Германии переехал во Францию и окончательно поселился в Париже. В марте 1925 г. казачий генерал был избран в правление Общеказачьего объединения в Париже. Не позднее сентября того же года Акулинин переехал из Берлина в Париж, постепенно становившийся одним из крупнейших центров русской эмиграции. Во Франции он устроился на работу бухгалтером в труппу казаков-джигитов, с которой ездил на гастроли по разным городам и даже странам. По свидетельству одного из участников труппы, Ф.И. Елисеева, генералов Акулинина и Л.Ф. Бичерахова «мы уважали за то, что они держались в тени и ничем и никогда не проявляли своей власти над нами, которой, кстати сказать, и не имели...» [53, с. 25].

При этом он не забывал и про общественную и литературную деятельность. Уже в 1926 г. Акулинин принял участие в работе Российского зарубежного съезда как представитель Франции [51, л. 11] и вошел

в состав Главного Совета Российского центрального объединения в Париже, по данным на 1927 г. [28, л. 67; 42, л. 64]. В связи с этим он вышел из Союза офицеров Генерального штаба, предпочтя военной организации политическую [27, л. 10].

В связи с участием Акулинина в работе Российского зарубежного съезда 4–11 апреля 1926 г. произошел конфликт между Восточным казачьим союзом и Казачьим союзом в Париже, членом правления которого являлся И.Г. Акулинин. Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека во главе с донским атаманом А.П. Богаевским и Казачий союз в Париже приняли решение в работе съезда не участвовать. По мнению челябинского исследователя А.Л. Худобородова, их отказ был связан с нежеланием А.П. Богаевского подчиниться великому князю Николаю Николаевичу [75, с. 45]. Другой причиной могла быть монархическая направленность съезда, неприемлемая для умеренного Богаевского. Тем не менее, казачья фракция на съезде была представлена довольно широко (им было выделено 37 депутатских мест), поскольку казачьи организации сочли уход Богаевского и его окружения их личным решением. И.Г. Акулинин был одним из членов оргкомитета по созыву съезда. Избран он был еще 13 сентября 1925 г. на общем собрании представителей русских общественных организаций, причем за выдвижение кандидатуры Акулинина было подано 105 голосов, что свидетельствует о популярности казачьего генерала в эмигрантских кругах (для сравнения, за кандидатуру известного богослова, министра вероисповеданий Временного правительства А.В. Карташева было подано лишь 74 голоса; немногим больше голосов, чем генерал Акулинин, получили признанные вожди первой волны эмиграции: А.П. Богаевский – 114 голосов, граф М.Н. Граббе – 115 голосов, П.Б. Струве – 118 голосов; максимум в 120 голосов получили также несколько кандидатов).

Мнение Богаевского и руководства Казачьего союза в Париже о Съезде было безразлично для генерала Акулинина, который, находясь на гастролях в Великобритании, писал 23 декабря 1925 г. Председателю Правления Казачьего союза в Париже

Н.М. Мельникову из Лондона: «Лично меня интересует отношение Правления Казачьего Союза к созыву Зарубежного Съезда. Вам, наверное, известно, что я, по предложению А.П. Богаевского, в свое время был включен в число членов Организационного Комитета по созыву Съезда. Но вот из газет я узнал, что А.П. Богаевский вышел из состава Комитета. Недели три тому назад я послал А.П. Богаевскому письмо, но пока ответа на него не получил...» [48, л. 13 об.].

Съезд под председательством П.Б. Струве проходил в парижском отеле «Мажестик». В работе съезда И.Г. Акулинин участвовал как представитель Восточного казачьего союза в Европе и обладал правом двух голосов, так как был наделен полномочиями как от Дальнего Востока, так и от Франции, кроме того, он числился в группе монархистов [65, л. 349]. Тем не менее, на съезде Акулинин не выступал, предпочитая, как и большинство депутатов, лишь принимать участие в голосовании. По окончании работы съезда генерал Акулинин предоставил подробную информацию об этом событии Совету Восточного казачьего союза, который на заседании 10 июля 1926 г. в Харбине вынес резолюцию: «Усматривая из докладов и писем ген[ерала] Акулинина, что он хотя и вошел в качестве нашего представителя во Времен[ное] Правление Казачьего Союза (в Париже. – А.Г.), однако когда это Правление постановило не принимать участия в работах Росс[ийского] Заруб[ежного] Съезда, ген[ерал] Акулинин остался при особом мнении и вошел как в Организац[ионный] Комитет по созыву Заруб[ежного] Съезда, так и на самый Съезд, – Совет находит действия своего представителя правильными и одобряет их. Отмечая основательное и подробное ознакомление ген[ералом] Акулининым нас с работами Заруб[ежного] Съезда и вообще с положением дел на Западе в русских эмигрантских кругах и в казачьих в частности, а также признавая вполне добросовестное и регулярное выполнение нашего Наказа по представительству Восточного Казачьего Союза, Совет постановил: душевно благодарить Ивана Григорьевича

Акулинина за всю его работу» [40, л. 83 об., 84].

Ответ Казачьего союза в Париже на резолюцию был диаметрально противоположным: «Все это не соответствует действительности. Никакого особого мнения ген[ерал] Акулинин не подавал и не заявлял, да у него и не было для этого ни повода, ни фактической возможности. В то время, когда образовывался организац[ионный] комитет по созыву Заруб[ежного] съезда, ген[ерала] Акулинина во Франции не было – он служил казначеем в труппе джигитов, гастролировавших по Англии. Ген[ералу] Акулинину не пришлось перед вступлением в организац[ионный] комитет оставаться при особом мнении: наоборот, он был зачислен в этот комитет без его ведома, благодаря заявлению в организ[ационном] комитете Донского атамана, причем это заявление было сделано А.П. Богаевским без предварительного сношения с ген[ералом] Акулининым, но с ведома правления Каз[ачьего] союза» [40, л. 91].

Как уже упоминалось, парижский Казачий союз в работе съезда не участвовал, предоставив своим членам полную свободу действий в этом отношении. 4 апреля 1926 г. на съезде выступил лидер казачьей фракции генерал от кавалерии П.Н. Краснов, который резко высказался по поводу политического курса Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека, заявив, что «атаманы пошли с теми, кто...не спрося русский народ, надевает на него социалистический хомут» [66, с. 10]. В связи с высказываниями Краснова правление Казачьего союза было удивлено тем, что генерал Акулинин «не только никак не реагировал на это оскорбление, не только не заявил протеста или несогласия, но продолжал молча до конца оставаться членом фракции, возглавлявшейся оскорбителем» [40, л. 92]. Спустя месяц после окончания работы съезда Председатель правления Казачьего союза в Париже Н.М. Мельников заявил И.Г. Акулинину о необходимости отмежеваться от заявления П.Н. Краснова, и генерал Акулинин был вынужден согласиться, сказав, что на самом съезде он «не нашел в себе силы сделать это» [40, л. 93].

Одно из немногочисленных упоминаний о деятельности Акулинина содержится в письме енисейского казака, инженера И.К. Окулича председателю правления Казачьего союза в Шанхае И.Н. Шендрикову от 9 февраля 1927 г., в котором Окулич писал: «Казачество в Китае имеет своим представителем в Париже ген[ерала] Акулинина. Мне представляется, что он не особенно верно информирует Вас, не сойдясь или, вернее сказать, заняв не совсем дружественную в отношении Объединенного Совета позицию...» [41, л. 87]. Судя по всему, эта оценка отражает лишь субъективное мнение И.К. Окулича, поскольку сведений о каких-либо серьезных разногласиях И.Г. Акулинина с руководством Объединенного совета Дона, Кубани и Терека не обнаружено. Наоборот, руководство совета и сам Председатель А.П. Богаевский относились к Акулинину с должным уважением и вполне доброжелательно⁷. В то же время нельзя не отметить благожелательное отношение Акулинина и к П.Н. Краснову, и монархическому крылу казачьей эмиграции.

О деятельности Акулинина свидетельствует частное письмо одного из его знакомых от 15 сентября 1925 г. неустановленному адресату, обнаруженное мною в собрании Государственного архива Российской Федерации, в фонде Русского Обще-Воинского Союза (РОВС): «Здравствуйте, дорогой Степан Степанович, ...Получил ли Ив[ан] Гр[игорьевич] Акулинин мое письмо от 10/6, которое я просил дать Вам для прочтения. Его письма: я, Е.П. Березовский⁸ и Воротовов⁹ получили и благодарим,

⁷ Обращение А.П. Богаевского к Совету Восточного казачьего союза (ГА РФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 24. Л. 94).

⁸ Березовский Ефим Прокопьевич (26.12.1869 – 06.02.1953) – полковник (1918). Из семьи офицера Сибирского казачьего войска. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), 2-е Константиновское военное училище (1891). В кадетском корпусе учился вместе с Л.Г. Корниловым. Участник Китайской, Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Заместитель Войскового атамана Сибирского казачьего войска (1918–1920). В эмиграции в Китае. Председатель Восточного казачьего союза (1923–1933). Глава Войскового представительства Сибирского казачьего войска в Зарубежье (1924–1945). В 1945 г. арестован контрразведкой СМЕРШ и выв-

а также и за несколько номеров разных газет. Каковы взаимоотношения между верхами и есть ли согласованность в планах. Подробно напишите о работе Зарубежного Съезда, его главных руководителей и ближайших перспективах. Я бы очень просил Вас установить срочную информацию, хотя бы 2 раза в месяц. Прошу передать привет: гр[афу] Граббе¹⁰, ген[ералам] Жигалину¹¹, Краснову¹², Шатилову¹³, Богаевскому¹⁴,

зен в СССР. В 1946 г. приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в лагере.

⁹ Воротовов Михаил Флегонтович (04.01.1894 – не ранее 1937) – полковник Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье училище по 1-му разряду. Хорунжий (с 12.07.1914). Во время Первой мировой войны в 16-м Оренбургском казачьем полку за боевые отличия награжден чинами сотника, подьесаула и орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами и Св. Анны 2-й ст. с мечами. Участник Тургайского похода (17.04–07.07.1918). В 1918–1919 гг. – во 2-м Оренбургском казачьем полку. Ранен в борьбе с большевиками. Участник антибольшевистской борьбы на Дальнем Востоке. В эмиграции – в Китае (Харбин). Вр. и. д. зам. Войскового атамана Оренбургского казачьего войска (на 1923–25 гг.). В 1936–1937 гг. – в Харбине, в Оренбургском казачьем объединении.

¹⁰ Граббе Михаил Николаевич (18.07.1868 – 10.07.1942) – генерал-лейтенант (1916), граф. Из дворян Донского казачьего войска. Окончил Пажеский корпус. Участник Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Наказной атаман Донского казачьего войска (1916–1917). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1915). В эмиграции во Франции. С 1935 – Войсковой атаман Донского казачьего войска. Участвовал в формировании Русского корпуса.

¹¹ Жигалин Леонид Иванович (09.04.1859 – 03.10.1926) – генерал-лейтенант. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Служил в Вооруженных силах на Юге России и в Русской Армии. В эмиграции во Франции.

¹² Краснов Петр Николаевич (10.09.1869 – 16.01.1947) – генерал от кавалерии (1918), военный писатель и журналист. Из дворян Донского казачьего войска. Окончил Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище (по первому разряду) и Офицерскую кавалерийскую школу. Пробыл один год слушателем Николаевской Академии Генерального Штаба, откуда в 1894 г. был отчислен в строй. Участник Русско-японской, Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1915) и Золотого оружия. Войсковой атаман Всевеликого Войска Донского (1918). Участник антибольшевистской борьбы на Дону и на Северо-Западе России. В эмиг-

Орлову¹⁵, Ивану Григорьевичу (Акулинину. – А.Г.)...» [29, л. 203].

Через Акулинина осуществлялся обмен корреспонденцией, в том числе и оперативного характера, связанной с деятельностью РОВС, между группами русской белой эмиграции на Дальнем Востоке и в Европе. Об этом свидетельствует, например, рапорт генерал-лейтенанта Амурского казачьего войска Е.Г. Сычева (Харбин) Уполномоченному Верховного главнокомандующего по делам Дальнего Востока от 10 ноября 1926 г. № 126. Генерал Сычев писал: «Мне удалось снять копии с документов, представленных Дубаню (председ[ателю] правления) КВЖД – китайской контрразведкой. Документы эти, рисующие политику большевиков в Китае, переданы Дубаню 4го ноября 1926 года... Так как все эти докумен-

---

рации – в Германии и во Франции. В 1944–1945 гг. – начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. В 1945 г. сдался в плен англичанам, выдан советскому военному командованию в г. Юденбурге (Австрия). Арестован и этапирован в Москву, где был судим и повешен. Автор около 30 романов и повестей, а также множества статей в военной периодической печати.

¹³ Шатилов Павел Николаевич (13.11.1881 – 05.05.1962) – Генерального штаба генерал от кавалерии (1920). Из дворян, сын генерала. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. Начальник штаба Добровольческой и Кавказской армий (1919–1920). Начальник штаба Русской армии (1920). В эмиграции во Франции. Начальник 1-го отдела РОВС (1924–1934).

¹⁴ Богаевский Африкан Петрович (27.12.1872 – 21.10.1934) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1918). Из дворян Донского казачьего войска, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Войсковой атаман Донского казачьего войска (с 1919). В эмиграции – в Болгарии, Югославии, Франции.

¹⁵ Орлов 2-й Петр Петрович (15.07.1874 – 23.09.1929) – генерал-майор (1915). Из дворян Донского казачьего войска. Окончил Александровский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1918 – в отставке. В 1918–1920 – на службе в Донской армии. В эмиграции – в Югославии, Франции.

ты имеют значение для текущего (подчеркнуто в тексте. – А.Г.) момента, а месячная сводка по Д[альнему] В[осто]ку будет Вам представлена не ранее конца месяца, то я представляю их Вашему Превосходительству немедленно,... пользуюсь любезностью генерала Акулинина» [30, л. 177]. Не исключено, что генерал Акулинин на момент написания этого письма находился с визитом на Дальнем Востоке.

Вообще, во второй половине 1920-х гг. Акулинин много ездил, причем это были не только командировки, связанные с его бухгалтерской деятельностью в труппе казаков-джигитов, но и миссии, носившие агитационный характер. В частности, в июле 1927 г. Акулинин от Российского Центрального Объединения, одним из лидеров которого являлся, посетил департамент Луары и выступал перед русской колонией в Монтаржи с докладом на тему общего долга эмиграции и обязанностей каждого [28, л. 67].

В том же 1927 г. во втором томе альманаха «Белое дело» вышел написанный Акулининым очерк, посвященный борьбе уральских казаков с большевиками [14, с. 127–147]. А на следующий год генерал, откликнувшись на призыв Войсковых атаманов Дона, Кубани и Терека, обращенный к русской эмиграции, подготовил материал для сборника «Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества». Там, в частности, он писал: «Не будь казачьих войск, не было бы и белого движения... Борьба казаков с коммунистами в основе своей имела глубоко идейный характер. Это не была борьба за власть или сохранение старых привилегий. Казаки, будучи стороной обороняющейся, никаких корыстных целей – ни классовых, ни самостийных – не преследовали и против русского народа не шли. Наоборот, они защищали его подлинные интересы и отстаивали свои права жить и веровать по заветам отцов, а не по указке красных комиссаров... Отстаивая против натиска красного интернационала свои права и вольности, казаки вместе с тем защищали и европейскую культуру, стоя вместе с тем на страже мировой цивилизации. Как и встарь, казачество в борьбе с новыми варварами вы-

полняло роль передового форпоста Европы» [58, с. 76–77]. Чувствуется, что эти слова написаны непосредственным участником борьбы с большевиками и искренним патриотом своей страны.

В июне 1928 г., по данным современного исследователя русского масонства А.И. Серкова, Акулинин был посвящен в члены парижской масонской Ложи Юпитер. Работал помощником секретаря (1929 г.) и привратником (1931 г.). Радиирован, т. е. исключен из ложи, в июле 1935 г. [17, с. 1200]. При проверке этих данных выяснилось, что действительно «Akouline (Jean), journaliste» (Акулинин (Иван), журналист. – А.Г.) упомянут в списке радиированных из Ложи Юпитер, однако несколько позже, чем указывает в своей работе А.И. Серков, – в период с 1 августа по 30 сентября 1935 г. [67, л. 288]. К сожалению, не все документы, касающиеся участия И.Г. Акулинина в деятельности масонов, в настоящее время доступны для исследователей.

Невольно возникает вопрос: зачем боевому казачьему генералу, участнику трех войн, отмеченному многочисленными орденами, вступать в масонскую ложу? Тем более, что эмигрантский быт не позволял разбрасываться деньгами, а членство в ложе требовало определенных регулярных расходов. Вряд ли среди причин этого было участие в ежегодном масонском шествии к стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез, чтобы почтить память масонов, погибших в период Парижской коммуны 1871 г. [67, л. 165]. Возможно, что Акулинин просто искал место работы. По предположению современного московского исследователя С.В. Карпенко, представляющемуся мне весьма убедительным, членство в ложе давало возможность неформального общения с представителями французского истеблишмента и воздействия на них, чего русские эмигранты были лишены при формальных контактах с французской элитой.

С переездом в Париж контакты Акулинина с представителями дальневосточной эмиграции не прекратились. Наоборот, казачьи организации Дальнего Востока даже обращались к И.Г. Акулинину, приглашая его принять участие в различных казачьих

изданиях и т. п. [39, л. 64]. Посредством активной переписки Акулинин обеспечивал связь и взаимодействие казаков-эмигрантов в Европе, Китае и США [15]. Для русских белых организаций в Европе Акулинин являлся своего рода экспертом по Дальнему Востоку. Например, 21 сентября 1929 г. он был приглашен выступать с докладом о положении на Дальнем Востоке на заседании Главного Совета Российского центрального объединения [28, л. 67].

Когда в 1930 г. «честь возжечь лампаду на могиле Неизвестного Солдата (у Триумфальной арки в Париже. – А.Г.) выпала на представителей казачьих частей, проживающих в Париже» [1, с. 3], Акулинин был в их числе, представляя немногочисленное в Европе оренбургское казачество [6, с. 28].

Этому событию известная казачья поэтесса того времени, Мария Волкова, посвятила свое стихотворение «6-е сентября 1930 года» [22, с. 37–38], в котором есть и такие строки:

Гляди, Париж, – их годы не сломили,
Их бодрый дух в изгнание не угас:
Они верны своей исконной были,
И тот же все – огонь открытых глаз!

...

Дивись, дивись, французская столица!
Притихла вдруг вся площадь Этуаль!
Они идут! Их много. Светлы лица,
И с них сошла обычная печаль...

...

Париж, Париж! Степей далеких дети
Пришли к тебе – ведь ты им не чужой:
И за тебя в кошмаре лихолетий
Они сражались в пляске огневой!

Железных полчищ силу привлекали
Они к себе... Бесстрастен суд времен, –
Болота Польши трупы поглощали,
Но устоял истерзанный Верден!

Бесценна кровь... и подвиги былые...
И жизнь... и смерть... Но больше
пышных слов
Нежданный клич: «Да здравствует
Россия!» –

Согрел ее отверженных сынов...

В парижский период своей жизни генерал Акулинин вел очень насыщенную общественную жизнь, принимал участие в

деятельности многих организаций, так или иначе связанных с казачеством, занимался сбором средств для оказания казакам материальной помощи [15]. В 1930–1931 гг. он являлся председателем Совета старшин Казачьего клуба в Париже, позднее стал одним из основателей Общеказачьего клуба. Кроме того, Акулинин с момента создания этого органа весной 1933 г. был представителем Оренбургского казачьего войска и казачьих войск Дальнего Востока в Казачьем Совете, организованном при донском атамане А.П. Богаевском для решения вопросов политического характера [57, с. 12]. От Оренбургского войска он также входил в президиум комитета благотворительной организации «Казачья помощь» [50, л. 5; 76, с. 160], сотрудничал с Объединением зарубежных воинских организаций (1934 г.), был одним из учредителей газеты «Возрождение» [25, л. 82], публиковался в таких эмигрантских периодических изданиях, как «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Казачьи Думы», «Руль», «Часовой» и других.

В 1934 г. Акулинин руководил работой комиссии по созыву Общеказачьего съезда. «К сожалению много лишних разговоров, как во всяком коллегиальном учреждении. Но работа все-таки продвигается, – писал он 3 июля 1934 г. атаману Богаевскому. – Сейчас вырабатывается положение (проект) об организации Общеказачьего Объединения. Это наиболее трудно разрешимый вопрос. Как только проект будет готов, я представлю его Вам на Ваше рассмотрение. Затем пошлю Кубанскому и Терскому Атаманам. Обоим Атаманам все материалы высылаются аккуратно. Я дважды писал и ген[ералу] Науменко и ген[ералу] Вдовенко, но ответа пока не получил» [43, л. 95–95 об.]. Годы давали о себе знать, – в том же письме Богаевскому генерал Акулинин отмечал: «Был на днях у доктора Магата (? – А.Г.). Он нашел, что сердце у меня теперь работает лучше и общее состояние тоже улучшилось. Мучают только головные боли, против которых ни один доктор ничего не может придумать» [43, л. 95 об.]. Для заседаний комиссии Акулинин добился разрешения использовать помещение банка, в котором работал [18].

После смерти Богаевского (21 октября 1934 г.) Акулинин писал казакам на Дальний Восток о текущих казачьих делах (на имя Е.П. Березовского): «Поздравляю Вас и всех сибирских казаков с Войсковым праздником. От души желаю всем скорейшего возвращения в родные станицы.

В Париже собираются сведения о всех казаках, прославившихся на том или ином поприще: военачальниках, администраторах, писателях, ученых, музыкантах, певцах и т. д. Если угодно, составьте список сибирских казаков, с краткой биографией о каждом и пришлите на мое имя. То же самое попросите сделать представителей всех дальневосточных казачьих войск.

Эти сведения я передам, куда следует.

Сегодня служили панихиду по атаману Богаевскому – прошло 40 дней со дня его кончины. Дело с выборами преемника ген. Богаевского осложняется и затягивается.

Руководство казачьими делами во Франции взял на себя Казачий совет, его состав: председ. ген. Хорошхин (уралец). Члены: Н.М. Мельников (донец), ген. Малышенко (кубанец), ген. Татонов (терец), полк. Астахов (астраханец) и ген. Акулинин (оренбурец). В Эмигрантский комитет на место скончавшегося ген. Богаевского избран ген. Акулинин.

Всего хорошего. И. Акулинин» [55, с. 32].

Акулинин выступал с лекциями и докладами на собраниях различных эмигрантских общественных организаций. Так, 4 марта 1935 г. он выступил на вечере памяти казачьих вождей в парижском зале Сандидье с докладом об атамане Дутове [33, л. 146 об.]. Во второй половине 1930-х – начале 40-х гг. генерал сотрудничал с Союзом казаков-комбатантов (1936 г.), Обществом русских офицеров Генерального штаба, Обществом сибиряков и дальневосточников (1937 г.), Национальной организацией русских витязей (1940 г.). В 1935 г. был избран от Русского Комитета в Париже в комиссию для рассмотрения вопроса о представительстве русских организаций в составе СовеЩательного Комитета Нансеновского Присутствия при Лиге Наций [31, л. 25 об.], а в 1936 г. наряду с генералами А.И. Деникиным, Е.К. Миллером и други-

ми видными деятелями русской эмиграции состоял в Комитете по сооружению храма-памятника в честь русских воинов, павших на французском фронте [77, с. 32].

В 1935–1937 гг. Акулинин являлся членом Русского эмигрантского комитета по делам русских беженцев (председатель – В.А. Маклаков) [60, с. 25; 70, с. 44], куда был избран на место скончавшегося атамана Богаевского [55, с. 32], в 1936–1939 гг. входил в правление Союза георгиевских кавалеров, с 1937 г. по 1939 г. входил в состав редколлегии журнала «Атаманский вестник» [17, с. 1], в 1938–1939 гг. был членом Главного Совета (правления) Российского Национального Объединения (состоял в Объединении с 1926 г.). В феврале 1939 г. Акулинин стал редактировать казачий отдел журнала «Часовой» [78, с. 3]. Тогда же он был избран в члены правления Общества русских офицеров Генерального штаба, а также в суд чести этой организации [38, л. 4], что, на наш взгляд, свидетельствует о безупречном моральном облике генерала. В 1930-е гг. Акулинин был членом приходского совета церкви преп. Серафима Саровского в Париже [68, с. 31].

Можно попытаться определить примерную сферу интересов Акулинина как историка и писателя. Прежде всего, это прошлое его родного края, история казачества в целом и оренбургского казачества в частности, отражение истории края в художественной литературе (например, в произведениях А.С. Пушкина [11, с. 14–20]). Особенно интересовали Акулинина ранние страницы истории казачества, события XVI–XIX вв., связанные с Ермаком Тимофеевичем, А.В. Суворовым, Е.И. Пугачевым, Отечественной войной 1812 г. Отдельной темой, волновавшей Акулинина, были связанные с его личными переживаниями события Первой мировой, революции и Гражданской войны. На мой взгляд, Акулинин значительно больше интересовался участием казаков в европейских войнах, чем, например, туркестанскими походами и борьбой казаков с кочевыми соседями. Скорее всего, это было связано с тем, что дореволюционная военная служба Акулинина протекала преимущественно в Европейской части Российской империи.

Фактически он мало соприкасался с жизнью оренбургских казаков в Туркестане, хотя там было дислоцировано немало казачьих частей, по службе и в целях карьерного роста тяготел к Петербургу с его богатой культурной жизнью. Не стоит забывать и то, что Акулинин представлял фактически одно из азиатских казачьих войск, Оренбургское, в Европе, тогда как основная масса оренбургских казаков оказалась в эмиграции в Китае. Вероятно, в событиях прошлого Акулинин черпал моральное обоснование своего нахождения вдали от бывших соратников по службе.

Конечно, многим публикациям Акулинина присуща широко распространенная в эмигрантской литературе идеализация дореволюционных порядков. Идеализировал Акулинин и казачество, которое, по мнению генерала, с честью выполнило свой долг, как в Первую мировую, так и в Гражданскую войну [5, с. 11–12; 8, с. 25–27], хотя на самом деле роль казачества, особенно в событиях Гражданской войны, далеко не однозначна.

Ряд своих публикаций Акулинин посвятил истории присоединения Сибири к Русскому государству в XVI в. и той роли, которую в этом процессе сыграло казачество. Среди работ Акулинина, посвященных этой теме, привлекает внимание его книга «Ермак и Строгановы. Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам», изданная в Париже в 1933 г. к 350-летию завоевания Сибири.

Целью этого небольшого по объему исследования было «выяснить: кому принадлежала первоначальная мысль о завоевании Сибири и какую роль играли в этом деле атаман Ермак и Строгановы» [4, с. 8]. На основе анализа текстов трех летописей (Строгановской, Есиповской и Ремезовской) и царской грамоты Ивана Грозного от 16 ноября 1582 г. автор пришел к заключению, что «Сибирь была завоевана Ермаком с помощью Строгановых» [4, с. 62]. В своей работе Акулинин рассмотрел указанные источники по отдельности, поскольку не мог объединить полученные выводы. В целом, эту работу казачьего генерала нельзя считать серьезным научным исследованием. Она скорее была плодом некоторого

увлечения Акулинина ранней историей казачества и ролью последнего в присоединении Сибири к России. В дальнейшем Акулинин планировал написать специальную работу о происхождении Ермака [4, с. 7], однако не осуществил задуманного. В феврале 1936 г. Акулинин, подытоживая свои исследования в этой области, выступил перед парижской аудиторией с докладом на тему «Освоение Сибири Россией» [56, с. 259].

Весной 1937 г. в Шанхае издательством «Слово» был опубликован основной труд Акулинина о борьбе оренбургских казаков в годы Гражданской войны – «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками». Средства на издание книги собрали казаки Оренбургской имени атамана Дутова станицы в Шанхае. Издание, очевидно, должно было повысить статус оренбургских казаков в общей массе казачьей эмиграции.

При написании этой книги генерал практически не располагал какими-либо документами [9, с. 22], так как их основная масса была оставлена в России или пропала. Многие приходилось восстанавливать по памяти. Часть сведений удалось получить при помощи оставшихся в живых очевидцев, а также из писем и газет [9, с. 160].

Судьба книги складывалась непросто. Основа была написана генералом буквально по горячим следам событий Гражданской войны в Оренбургском казачьем войске – еще в 1920 г. [9, с. 22], что, несомненно, повышает достоверность изложенного материала. Очерк был сдан в типографию в Севастополе в октябре 1920 г. и остался в наборе при эвакуации белого Крыма. Лишь через несколько лет материал увидел свет в казачьем эмигрантском журнале «Казачьи думы», выходившем в Болгарии.

Еще 2 апреля 1923 г. Акулинин писал генералу С.В. Денисову из Мюнхена, где проживал в пансионе «Царь»: «Обращаюсь к Вам с нижеследующим.

Я написал два небольших очерка о борьбе с большевиками оренбургских и уральских казаков. Первый очерк у меня принял к напечатанию Архив¹⁶ – редакция

обещала напечатать через 3–4 месяца. Теперь мне очень бы хотелось пристроить и второй очерк – об уральцах; он небольшой – страниц 40–50 формата Вашего сборника; но у меня лично совершенно нет средств на печатание. Вот я и обращаюсь к Вам за содействием. Нельзя ли выпустить в свет в виде небольшой книжечки или брошюры моих уральцев при содействии «Града Китежа»? Повторяю, у меня денег нет – ни на бумагу, ни на печатание. Поэтому относительно условий выпуска моей работы я полагаюсь всецело на усмотрение издательства. Никаких меркантильных целей я не преследую – мне просто хочется, чтобы в зарубежной русской печати было хоть что-нибудь сказано об оренбургских и уральских казаках, которые принесли столько жертв в борьбе за родину и казачество. До сих пор, кроме газетных статей, никаких печатных трудов из периода Гражданской войны ни об оренбурцах, ни об уральцах не появлялось.

В случае, если бы Вы заинтересовались моим предложением, я немедленно вышлю Вам рукопись на просмотр...

С Дальнего Востока я получил ряд письменных сведений – официальных и частных – о последнем периоде борьбы с большевиками в Забайкалье и Приморской области. На основании этих документов пишу небольшой очерк под названием «Конец белых на Дальнем Востоке» [15].

Работа непосредственного участника событий содержит огромный фактический материал¹⁷, однако это не просто мемуары, а скорее даже мемуарно-исследовательское сочинение, автор которого старался представить на суд читателей не личные переживания, а всю историю Белого движения в Оренбургском казачьем войске. Таким образом, труд Акулинина можно справедливо считать основополагающим для изучения истории антибольшевистского движения оренбургского казачества. Даже с точки зрения современного исследователя проблемы работа Акулинина представляется

¹⁷ Критика работы Акулинина (впрочем, не всегда оправданная) в связи с ее тенденциозностью содержится в кн.: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Док. и мат. Ред.-сост. М.С. Бернштам. Париж, 1982. С. 227–233.

¹⁶ Видимо, речь идет о Донском архиве.

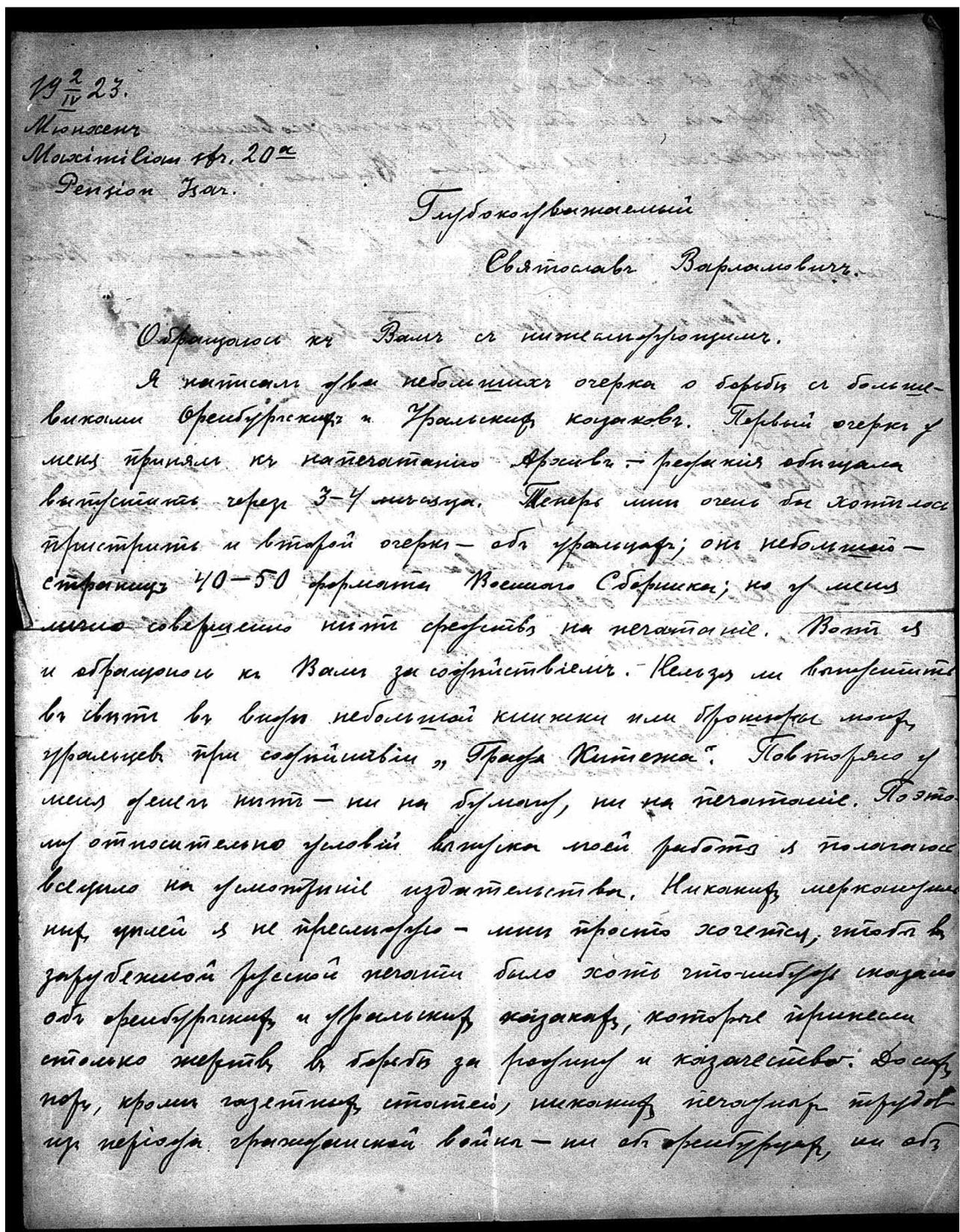

Рис. 4. Письмо И.Г. Акулинина С.В. Денисову. Архив Гуверовского института. Публикуется впервые

достаточно взвешенной. Особенно она ценна для историков в отношении тех сюжетов, по которым практически не сохранилось документального материала. Основным недостатком работы является ее обоб-

щающий характер и сравнительно небольшой объем. Человек с информированностью генерала Акулинина, являвшегося ключевой фигурой в руководстве антибольшевистского движения оренбургского

казачества, мог составить куда более внушительный мемуарный свод, дать развернутые характеристики соратникам по борьбе. Еще одним недостатком работы является стремление автора подходить к событиям Гражданской войны несколько отстраненно с позиции исследователя, тогда как гораздо ценнее было бы узнать о личных переживаниях и впечатлениях Акулинина.

Рецензенты не скупилась на похвалу. По словам Б.Э. Криштафовича, опубликовавшего рецензию на страницах органа донского атамана – журнала «Атаманский вестник»: «Правдивая книга ген[ерала] Акулинина является не только ценным историческим трудом. Она должна быть отнесена и к числу тех исторических монографий, которые своей идейной проникновенностью воспитывают души и укрепляют сердца. Каждый казак должен читать такие книги по казачьей истории, а казачья молодежь должна по ним учиться, как стать добрыми казаками» [61, с. 12]. Рецензент из «Часового» отметил, что «Книжка генерала Акулинина впервые рассказывает широким кругам эмиграции об Оренбургском театре войны, до сих пор эта область почти не была освещена в нашей военной литературе. Ценность книжки повышается еще и совершенно беспристрастным изложением фактов и событий» [21, с. 18].

Оппонировали генералу, в основном, казаки-самостийники, противником которых и являлся Акулинин. Лидер вольноказачьего движения кубанец И.А. Билый в издававшемся им журнале «Вольное казачество» дал резкий отзыв на книгу Акулинина. Неприятие рецензента вызвало даже посвящение книги казакам, павшим в борьбе за великую Россию. Отсюда делался вывод, что «ген. Акулинин – представитель той части казачьей старшины, которая сидела (и сидит теперь еще) на двух стульях, служила (и служит теперь) двум богам и – **провалила, проиграла казачье дело** (здесь и далее выделено в тексте. – А.Г.). А провалив там (речь идет о Гражданской войне. – А.Г.), продолжает старую песню и за границей, таща казаков на все то же русское бездорожье. Проиграв там, ген. Акулинин остался верен себе и до сих пор: **ничего не забыл из плохого старого и ни-**

чему не научился новому. Став сейчас за Граббе и рядом с Граббе, он не прочь, очевидно, повести еще раз крестным путем казачество к той самой пропасти, в какую недавно он уже помог свалить его... Пойдут ли за ним еще раз казаки?» [20, с. 4].

В таком духе противопоставления казачества и России была написана вся рецензия. Рецензент иронизировал над словами Акулинина о преданности казачества императору, добавив, что о царе никто из казаков, включая автора книги, даже не вспомнил и не пошевелил пальцем для его спасения. Неудовольствие Билого вызвала и формулировка цели Акулинина – показать русским людям как боролись оренбургские казаки. По мнению Билого, отделявшего казаков от русских, нужно писать книги для первых.

Посредством рецензии Билый заявлял об общности судеб разных казачьих войск и необходимости казачеству объединиться под вольноказачьими знаменами, «иначе, если еще раз-два поведут его старые или новые Акулинины теми же дорогами, то от казачества, кроме воспоминаний, не останется больше ничего» [20, с. 4].

Далее Билый цитировал наиболее интересные с его точки зрения отрывки из книги Акулинина и сопровождал их своими комментариями. Досталось и атаману А.И. Дутову, который, по мнению Билого, «еще в большей мере, чем атаманы других войск, увлекался всероссийскими задачами – в прямой ущерб задачам казачьим» [20, с. 5]. Рецензент полагал, что участие казачества в общероссийском антибольшевистском движении шло вразрез с интересами казаков. Билый тенденциозно акцентировал внимание на проявлениях враждебности белого командования к казачеству. Правда, Билый, теоретизировавший на тему того, как хорошо для казачества было бы тогда объединиться без русских и образовать собственную государственность, не пояснял, каким образом эта государственность смогла бы противостоять Красной армии. Дальше наивно-примитивных заявлений, что «если бы... не мешались чужие, мы, казаки, сами, легко могли бы... между собою стовориться, что было единственным спасением казачества тогда (выде-

лено в тексте. – А.Г.)» [20, с. 7], Билый не углублялся. В этом смысле не только критикуемый им Акулинин, но и сам Билый, являвшийся в Гражданскую войну активным деятелем кубанских сепаратистов из Рады, своих взглядов за два десятилетия не поменял. Однако к адекватному восприятию действительности намного ближе были позиции Акулинина.

За отсутствием конкретных доводов Билый перешел к прямым оскорблениям, делая вывод, что **«русские патриоты казачьего происхождения заражены той же слепотой и тем же бесталаньем, что и Деникины – Колчаки...»** (выделено в тексте. – А.Г.)» [20, с. 7]. Правда, автор не пояснил, кого же он предлагал в этом случае в качестве «талантливых» лидеров. В особенности для оренбургских казаков, среди которых оппозиция режиму Дутова в Гражданскую войну была куда менее способной к государственному управлению, чем атаман и его окружение. Рецензент полагал, что казачество проиграло бы даже в случае победы белых. В конце статьи Билый отметил, что красные победили, а белые проиграли из-за офицеров Генерального штаба [20, с. 8] и упрекнул Акулинина в логическом противоречии, когда тот отметил, что главную тяжесть борьбы вынесли русские офицеры, но при этом писал и о засилье тыловиков. Вершиной разоблачительного пафоса Билого был, по сути, приговор Акулинину: «Ген. Акулинин принадлежит к той части казачьей старшины, которая **несет полную ответственность за печальный исход прошлой борьбы** (здесь и далее выделено в тексте. – А.Г.). Книга его не свободна от многих противоречий между **действительностью и личными желаниями или убеждениями автора**. Но – для «науки», особенно для науки о том, **как не надо делать другой раз**, книга ген. Акулинина пригодиться может. А потому она будет далеко не лишней в каждой казачьей библиотеке» [20, с. 9]. Завершалась рецензия пожеланием казакам сделать выводы из книги и не повторять прежних ошибок. Куда привели казачество в годы Второй мировой войны идеи Билого, всем известно.

В том же году Акулинин обратился к оренбургским казакам с призывом «внести

посильную лепту в дело составления, собирания и выпуска в свет материалов по истории войска». По мнению Акулинина, «времени прошло достаточно. Теперь можно подходить к событиям с критической оценкой, без боязни задеть ложное самолюбие и не нанося ущерба установленным репутациям. При описании каждого факта на первом месте должна стоять голая правда и добросовестное отношение к действующим лицам» [13, с. 14]. Предложения Акулинина, однако, не простирались дальше составления кратких описаний боевых действий оренбургских казачьих частей от Русско-японской до Гражданской войны, а также исследования вопроса о степени мобилизационного напряжения войска в Первую мировую и Гражданскую войны. По всей видимости, условия эмигрантской жизни не позволяли достичь даже этих, весьма скромных по своим масштабам, задач.

Уже на следующий год Акулинина приняли в парижский Кружок казачьих литераторов, в котором состояли такие видные деятели русской культуры, как Н.Н. Туроверов, А.А. Ачаир, М.В. Волкова, В.С. Крюков и другие. Собрания Кружка проходили каждую первую субботу месяца, причем на них читались и обсуждались новые произведения, проходили авторские вечера. Именно 1930-е гг. были периодом наиболее плодотворной деятельности Акулинина как историка и публициста. В эти годы были опубликованы и художественные произведения Акулинина. Это рассказы «В поезде» и «На казачьих подводах», в которых Акулинин с ностальгией описывал довоенную жизнь оренбургского казачества. Рассказы в значительной степени автобиографичны, в образах некоторых героев угадывается сам автор (например, сотник Шевченко и хорунжий Романов из рассказа «В поезде») и представляют собой интересный источник по внутренней жизни оренбургского казачества начала XX в.

Всю свою жизнь генерал Акулинин собирал материалы по истории оренбургского казачества. На протяжении более тридцати лет (1913–1944 гг.) он сумел собрать три архива [13, с. 13]. Первый из них включал материалы по довоенной истории казачества

ва. Архив погиб в доме, где жил Акулинин в Петрограде уже после 1917 г. Второй его архив, содержащий документацию оренбургских казачьих частей периода Гражданской войны, в том числе полевой дневник и черновики записок самого Акулинина, пропал при отступлении остатков I Оренбургского казачьего корпуса от Гурьева на форт Александровский. Наконец, третий архив был собран уже в эмиграции. Судьба этой коллекции в настоящее время неизвестна [74, с. 27].

Акулинин всерьез интересовался историей Первой мировой и Гражданской войн, отслеживал новинки литературы по этим темам. Выражая благодарность генералу С.В. Денисову за присланный им альбом «Белая Россия», Акулинин писал ему 24 июля 1939 г.: «Приношу Вам глубокую благодарность за ценный и приятный для меня подарок – альбом Белая Россия № 1 с лестной для меня надписью. Очень рад, что моя книга «Оренб[ургское] каз[ачье] войско» пригодилась Вам при составлении Вашего труда, который и по внешности и по содержанию производит прекрасное впечатление» [15]. Акулинин собирался опубликовать рецензию на альбом в «Часовом» и в дальневосточных журналах. Корреспондентом Акулинина на Дальнем Востоке был другой оренбургский казачий генерал А.В. Зуев. Акулинин просил прислать экземпляр и для общества офицеров Генерального штаба, в котором состоял. Жалуясь на загруженность делами, Акулинин отмечал: «Днем я на службе: работаю в обществе взаимного кредита (которое в Париже слывет под именем «Казачьего банка»), а вечера уходят на разного рода заседания, собрания и встречи. С этой стороны я слишком разбросался и переборщил. Состою членом правлений и разных комиссий во многих общественно-политических, и военных, и казачьих организациях. Главная работа протекает по общественной линии – в Рос[сийском] нац[иональном] объединении (председатель – Гукасов). Это группа «Возрождения», в Казачьем совете (предс[едатель] гр[аф] Граббе), в о[бщест]ве офицеров Генерального штаба, в Союзе Георгиевских кавалеров и т. д. Приходится вести переписку с Шанхаем,

Тянцинем, Харбином и др. местами, где разбросаны оренбургские казаки. Сейчас образовался комитет под председательством графа Нирода для образования фонда вел[икого] князя Владимира Кирилловича, члены комитета назначены главою династии. От казаков пока назначен в комитет Ваш покорный слуга. Зимой было несколько интимных обедов и бесед в присутствии вел[иких] князей Бориса Владимировича, Андрея Владимировича и Гавриила Константиновича (на одном из таких обедов был приглашен и Дмитрий Павлович, когда казалось, что он отошел от младороссов). С ген. Красновым я изредка переписываюсь – посылаю ему д[альне]в[осточ]ные журналы.

На старости лет «впал в детство» – пишу разные рассказы и очерки из прежней казачьей жизни, которые печатаю в разных казачьих изданиях («Станица», «Казачий клич», «Луч Азии», «Оренб[ургский] казак» и т. д.)... В материальном отношении жить с каждым годом становится все труднее и труднее» [15]. В июле – августе 1939 г. Акулинин собирал материалы для празднования 50-летия службы генерала П.Н. Краснова в офицерских чинах, но из-за войны реализовать намеченное не удалось.

В годы Второй мировой войны и во время оккупации Франции немцами Акулинин оставался в Париже. В вооруженной борьбе на стороне немцев он участия не принимал, но во время войны продолжал публиковать статьи в эмигрантской периодической печати и принимать активное участие в русской общественной жизни. Некоторые публикации Акулинина в тот период получили сравнительно широкий общественный резонанс. Например, на основе его заметки «К сведению казаков» в журнале «Часовой» (№ 257 от 5 февраля 1941 г.), в которой Акулинин писал о трудоустройстве казаков в Польше, Чехии и Моравии, генерал П.Н. Краснов ходатайствовал перед атаманом казаков в Третьем рейхе и главой Общеказачьего Объединения в Германской Империи генерал-лейтенантом Е.И. Балабиным об устройстве казаков в Генерал-губернаторстве Польском или в Протекторате Богемии и Мора-

вии [24, л. 7–7 об.]. Далее уже сам Балабин обращался по инстанции с ходатайством о трудоустройстве казаков из Франции на сельскохозяйственных работах в Протекторате Богемии и Моравии [23, л. 73].

В начале 1940 г. Акулинин еще работал бухгалтером-переводчиком в банке «Кредитное ремесленное и торговое содружество» [68, с. 31], однако к февралю банк закрыли, и он остался без работы. Основная общественная деятельность Акулинина в 1940-е гг. была связана с его членством в Казачьем Совете под председательством донского атамана графа М.Н. Граббе. Акулинин был одним из разработчиков текста обращения Казачьего Совета к казакам, находящимся в эмиграции, в связи с началом войны между СССР и Германией. В своем проекте он привел резкую оценку роли большевиков, в частности написав: «В ответственный исторический момент, когда решается судьба нашего Отечества, Казачий совет во Франции считает долгом обратиться к казакам с горячим призывом: принять самое деятельное участие в борьбе с коммунистической властью. Двадцать лет мы, как нищие рыцари, скитаемся по чужим краям, не находя нигде тихого пристанища. Двадцать лет наши подъяремные братья томятся в советском плену в ожидании нашей помощи. За эти долгие годы наши, когда-то цветущие, казачьи края залиты кровью и превращены в мерзость запустения. В них водворились пришлые люди, которые с дьявольской настойчивостью уничтожают казачество, стараясь с корнем вырвать все, что имеет отношение к нашему славному прошлому, к нашим святыням, к нашему быту. Но казаки держатся стойко, защищая казачьи позиции всеми доступными средствами» [45, л. 273].

Далее Акулинин положительно оценил нападение Германии на СССР, используя риторику нацистской пропаганды: «наступает час освобождения», «Верховный Вождь великого германского народа Адольф Гитлер», «международная шайка, засевшая в Священном Кремле». Перед казаками была обрисована такая перспектива: «Большевики неминуемо сгинут и русский народ, со всеми другими народами России, вновь займет подобающее ему место в се-

мье молодых держав, строящих мир на новых началах¹⁸. Чтобы оправдать свое пребывание на чужбине и с честью вернуться в казачьи края, все зарубежные казаки должны приобщиться к делу борьбы с большевиками – каждый на своем (или указанном ему) месте и по своим силам и способностям. Этого требуют интересы всего Нового мира; этого ждут наши поработанные братья по ту сторону красной черты...» [45, л. 273]. О трагических последствиях нацистской оккупационной политики для народов СССР генерал, очевидно, не думал, а его взгляды не отличались от представлений многих других деятелей белой военной эмиграции, вспоминая кайзеровскую оккупацию 1918 г., сидя в переполненных кафе оккупированного Парижа.

Подобный призыв, будь он широко опубликован, мог иметь определенный вес в казачьей эмиграции, ведь подписать его должны были представители целого ряда казачьих войск: генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе, Генерального штаба генерал-лейтенант А.В. Черячукин, генерал-майор С.Д. Позднышев, генерал-майор Н.И. Малышенко, Генерального штаба полковник М.А. Медведев, Генерального штаба генерал-майор Акулинин, полковник Г.М. Астахов и некоторые другие казачьи деятели. Но в Казачьем Совете возникли разногласия по вопросу о содержании обращения [45, л. 266; 46, л. 89, 96–96 об.] и неизвестно, был или не был в итоге подписан этот документ.

Отметим, что идея продолжения активной борьбы с большевиками выдвигалась Акулининым задолго до Великой Отечественной войны. В одной из заметок на страницах журнала «Родимый край», в 1929 г. он писал: «Только тогда казаки вздохнут полной грудью и заживут привольной жизнью, когда чужеродная коммунистическая власть будет сброшена. С этим надо торопиться!...» [2, с. 25]. В начале 1939 г. Акулинин также утверждал, что «борьба с коммунистической властью должна быть главной и основной темой для всех казаков» [3, с. 15]. Зимой 1940 г. о стремлении

¹⁸ Очевидно, имелись в виду державы фашистского блока (Германия, Италия, Япония).

продолжать борьбу с большевиками он писал своему другу по переписке генералу С.В. Денисову в США [15].

На основе имеющихся данных можно сделать вывод о том, что в своей политической программе генерал Акулинин ориентировался на Германию и на ее победу над СССР. При этом по своим убеждениям он оставался непримиримым противником большевизма, государственным, сторонником идеи великой, единой и неделимой России, а в своих публикациях периода Второй мировой войны осуждал казачий сепаратизм [12, с. 15]. Освободить Россию от большевиков он считал возможным лишь при помощи вооруженной борьбы. По мнению Акулинина, «большевики сами по себе не падут и добровольно не уйдут. Коммунистическая власть будет свергнута в результате новой жестокой борьбы. Об этом должны иметь отчетливое представление все русские патриоты, и в особенности молодые поколения, которым придется отвоевывать и строить новую Россию» [7, с. 7].

Будущее политическое устройство России виделось Акулинину по образцу фашистских государств и в союзе с ними. 20 июля 1941 г. он писал графу Граббе: «Если Бог поможет, мы должны явиться в родные края (прежде всего, очевидно, на Дон) все вкупе и действовать от лица всего зарубежного казачества впредь до установления нормальной власти на местах. Если до нашего прихода на Дону, на Кубани и в других казачьих краях (еще до нашего прихода) будет организована войсковая власть – немецким командованием или самими казаками – наш долг явиться в распоряжение этой власти и дать ей отчет о наших действиях» [46, л. 89 об.]. Очевидно, что в этом письме присутствует значительная идеализация немцев, которым самостоятельная «Войсковая власть» была совершенно ни к чему. Акулинин, конечно, понимал, что при сложившихся обстоятельствах хозяевами положения на освобожденных от большевиков территориях будут не русские, а немцы [46, л. 96 об.], но все же считал, что руководство нацистской Германии немышляет о расчленении России [12, с. 15].

Не имея возможности предугадать дальнейшее развитие событий на Восточном фронте, Акулинин в разработанной им памятной записке от 20 сентября 1941 г. предложил создать «Особую казачью группу» из представителей казачьей интеллигенции, находящихся за рубежом, для того, чтобы наладить контакт с населением казачьих областей и «разъяснить местному населению, какие задачи преследует германское командование и какие идеи несет национал-социалистическая Германия, организовав крестовый поход против коммунистической власти» [46, л. 170]. В отношении работы Казачьего совета Акулинин предлагал ограничиться исключительно казачьими делами, не вдаваясь в общерусские, в которых, по его мнению, было гораздо больше разногласий. 4 апреля 1942 г. Акулинин, поздравляя графа Граббе с Пасхой, писал ему: «Дай Бог, чтобы наши родные казачьи края воскресли к новой жизни» [47, л. 33], вероятно, имея в виду скорое освобождение казачьих территорий немцами. В связи с тяжелой болезнью Граббе в 1942 г. генерал Акулинин был вынужден временно председательствовать в Казачьем совете, заменяя донского атамана [47, л. 39]. 26 мая 1942 г. Акулинин отмечал в одном из писем, что «в настоящее время Казачий совет лишен возможности вести большую и продуктивную работу, но стоять на страже казачьих интересов мы должны при всех обстоятельствах» [47, л. 39]. По словам Акулинина, «разобраться в хаосе мировых событий, представить себе подлинную картину всего происходящего, не сбиться с правильного пути – не то, что рядовому эмигранту, но и людям, искусственным в политике, чрезвычайно трудно. Казаки в этом отношении не составляют исключения...» [10, с. 10]. События показали, что и сам казачий генерал не сумел разобраться в происходящем.

Сведения о последних годах жизни генерала весьма отрывочны. Известно, что в 1943 г. он состоял в Обществе ревнителей памяти императора Николая II. Возможно, крушение надежд, которые Акулинин возлагал на Германию, подкосило его. Акулинин скончался в Париже 26 ноября 1944 г., спустя три месяца после освобождения

столицы Франции от немцев (25 августа 1944 г.), не дожив нескольких месяцев до конца войны, и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Место для захоронения предоставило общество офицеров Генерального штаба, заранее выкупившее три места для своих членов [15]. Вскоре безутешная вдова генерала узнала, что места для ее погребения рядом с супругом не предусмотрено, а в каждую могилу предполагалось захоронить останки трех генштабистов. Весной 1945 г. вдова Акулинина смогла добиться от генерала Н.Н. Стогова обещания не трогать могилу ее супруга до заполнения двух соседних могил. Ныне лишь лаконичная надпись «J. Akoulinine 1883–1944» указывает на место последнего пристанища генерала [52, с. 4]. В ноябре 2014 г. автору этих строк довелось побывать на этом знаменитом русском кладбище и по случайности обнаружить совершенно не приметное надгробие генерала (на плите с захоронениями семьи Ушаковых и с надписью у самой земли).

Последний по времени документ, который удалось обнаружить – это письмо Акулинина своему многолетнему корреспонденту в США генералу С.В. Денисову от 11 октября 1944 г., полученное Денисовым 27 ноября того же года, на следующий день после смерти Акулинина: «Дорогой генерал. Во время немецкой оккупации многие из нашей среды жили очень плохо и терпели много горя, холода и голода. Эта зима будет очень тяжелая, особенно для старых и больных. Я Вас прошу, дорогой генерал, если Вы можете организовать среди Ваших друзей сбор одежды, белья, продуктов и денег, чтобы разделить среди нуждающихся казаков. Благодарю заранее. Напишите, как можно скорее» [15]. Оригинал письма был написан по-французски. Акулинин сообщил, что сильно болен, должен соблюдать постельный режим, а врачи запретили ему работать.

13 декабря 1944 г. письмо Денисову отправила уже вдова Акулинина, написав его по-французски. В письме она сообщила, что Денисов был первым, кто откликнулся на просьбу Акулинина, но оказалось поздно – после продолжительной болезни Акулинин скончался в результате сердечного

приступа. Вдова генерала писала, что осталась одна во всем мире. О генерале Акулине она отзывалась как о мягком, тактичном и хорошем человеке и очень тяжело переживала утрату мужа, с которым прожила, как отмечала в одном из писем, 26 лет душа в душу.

Денисов ответил лишь 10 апреля 1945 г.: «Письмо Ваше от 13 декабря прошлого года я получил только вчера.

Позвольте, прежде всего, выразить мое душевное соболезнование Вам в утрате друга Вашей жизни, прекрасного во всех отношениях человека и доблестного Белого Вождя. Я далее коснусь и моих личных чувств по отношению Вашего почившего супруга.

Прошу извинить меня за то, что я пишу Вам это письмо не рукописью, а на машинке. Вот серьезная причина: у нас не разрешается пока писать письма на русском языке, ибо не хватает цензоров. Но из практики я знаю, что писанное на русском языке, а не рукописью, цензоры пропускают. Разбирать же рукопись, да еще иногда и каракули, – им нет времени. А написать я хочу Вам много и подробно.

Посылая деньги Вашему покойному супругу 4-го декабря прошлого года, я был далек от мысли, что с Иваном Григорьевичем приключится столь печальный и скорый конец. Поэтому я и не указал Вас, как лицо законный наследник. Конечно, деньги эти слишком малы, чтобы Вы ощутили бы помощь, оставшись осиротелой. Вчера я уже выслал Вам первую пищевую посылку, через одну, очень крупную канадскую фирму.

Это посылка конечно не последняя, и я организую для Вас помощь в этом деле со стороны Ваших друзей казаков, вообще без различия войск, а в особенности Оренбургского войска. Уверен, что наше к Вам внимание послужит посильным Вам утешением в неизбежном Вашем горе. Об этом я уже вошел в связь с оренбурцами, проживающими в Калифорнии и в городах Северных штатов Америки. Результаты я Вам незамедлительно сообщу, но, надеюсь, что мои письма будут опережены продовольственными для Вас посылками от Ваших

*Рис. 5. Могила И.Г. Акулинина на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем
Фото А.В. Ганина. 2014 г.*

*Рис. 6. Могила И.Г. Акулинина на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем
Фото А.В. Ганина. 2014 г.*

неизвестных, быть может, Вам американских друзей-казаков.

Третьего дня я о Вас и о постигшем Вас горе написал генералу Вагину, бывшему начальнику штаба у атамана генерала Дутова...» [15].¹⁹

Денисов очень помог вдове Акулинина как морально, так и материально в наиболее тяжелый для нее период. Вдова Акулинина работала в почтовом отделении американских войск. Она всячески пыталась увековечить память своего супруга. Через Денисова она пыталась организовать публикацию некролога, который по ее просьбе написал генерал-майор С.Д. Позднышев. Поскольку переписка из послевоенного Парижа была затруднена, Тамара Константиновна просила Денисова оповестить о смерти мужа оренбургских казаков в Китае. Рукописи мужа она рассчитывала передать в Шанхай оренбургскому казаку, полковнику С.И. Нестеренко. Переслала Денисову она и другой адрес – полковника Н.П. Сокарева. Необходимо было установить памятник на могиле, для этого Т.К. Акулинина предпринимала попытки сбора средств.

Генерал-майор С.Д. Позднышев писал в некрологе, что «Акулинин принадлежал к числу тех, чье имя стоит в почетном списке русских людей, отдавших свои силы за Россию; чье имя занесено золотыми буквами на страницы истории родного войска... После неудачи Белого движения, генерал Акулинин вместе с женой Тамарой Константиновной, беззаветно его любившей и делившей с ним все радости и горести жизни, через Кавказ, Крым, Константинополь и Сербию прибыл во Францию и поселился в Париже. Трудной для него оказалась жизнь на чужбине, как и для большинства изгнанников. Надо было работать в непривычных условиях, в тех отраслях, в каких ранее никогда не приходилось трудиться. Но и в этих условиях Иван Григорьевич остался на поверхности жизни. Он живо интересовался общественными делами, состоял членом Эмигрантского Комитета, членом многочисленных эмигрантских организаций: Казачьего Совета во Франции, Союза Георгиевских кавалеров, Союза офицеров Гене-

рального штаба, членом Церковного Совета и т. д.

В эмиграции генерал Акулинин много писал на исторические темы. Им были изданы книги, получившие прекрасные отзывы... Он сотрудничал в журналах: Часовой, Луч Азии, Станица и др.

Генерал Акулинин любил свою Родину крепко и нежно. Неустанно он думал о России. С думами о ней он и умер в изгнании, не дождавшись светлого радостного дня возвращения на родную землю. Помянем его добрым словом. Вечная ему память и мир его праху!» [15].

На смерть Акулинина откликнулся и его соратник по борьбе генерал А.Н. Вагин, который в 1946 г. писал в статье «Памяти генерала И.Гр. Акулинина» в издававшейся в Сан-Франциско газете «Русская жизнь»: «Акулинин был скромный и честный человек, стойкий и убежденный борец за русские демократические и национальные начала, был доблестный офицер Генерального штаба императорской российской армии» [62].

В некрологе из журнала «Часовой», увидевшем свет из-за тяжелой послевоенной ситуации только через четыре года после смерти Акулинина, говорилось, что современники знали Акулинина как «выдающегося военного и казачьего деятеля, благороднейшего человека, редкого по своей честности и прямоте русского патриота...» [79]. Имя генерала после его смерти было занесено в казачий синодик [59, с. 82–83] наряду с именами других казачьих вождей.

Несколько лет назад я получил письмо из Уфы от внука генерала Акулинина – Николая Николаевича Цибулина. Он сообщил, что первую жену Акулинина звали Наталья. Вместе с дочерью Акулинина Людмилой (матерью Н.Н. Цибулина) первая супруга будущего генерала в 1918 г. уехала из Петрограда в Кандалакшу, где вышла замуж за Александра Паукшто. Наталья скончалась еще до отъезда генерала в эмиграцию. Фамилия и отчество дочери были изменены из опасения репрессий. Сам Цибулин родился в 1936 г. в Харбине, его отец, Николай Федорович, служил на КВЖД, в СССР приехал в 1954 г. У него

¹⁹ Окончание письма отсутствует.

был брат Ростислав, который также связался со мной и изложил то, что ему было известно о деде. Проживая в Китае, Цибулины до 1943 г. получали письма и посылки из Парижа от генерала Акулинина, но по возвращении в СССР из опасения перед возможными репрессиями все материалы о генерале были уничтожены.

***

Выходец из простой казачьей семьи, уроженец южно-уральского захолустья, И.Г. Акулинин за время военной службы в Русской императорской армии сумел добиться очень многого. Его служебный путь наглядно показывает широкие возможности для карьерного роста в старой армии выходцев из низов. Акулинин получил блестящее образование и разностороннюю профессиональную подготовку в Военной академии, в Офицерской кавалерийской школе. Тяга к знаниям, уважение к науке были отличительными чертами этого офицера.

Как офицер гвардии он был приближен ко двору и лично знал великую княгиню Ольгу Александровну и императрицу. Подобное знакомство накладывало отпечаток на взгляды будущего генерала. Влияло на них и участие в подавлении беспорядков в период первой русской революции. С молодости у Акулинина существовал устойчивый интерес к казачеству и его истории, что нашло выражение в ряде публикаций генерала, увидевших свет в более поздний период. В эмиграции Акулинин посвятил истории казачества две книги и свыше семидесяти статей. Насколько можно судить, Акулинин был монархистом и сторонником казачьего традиционализма.

Акулинин был сильной, волевой личностью и в этом отношении, пожалуй, превосходил Дутова. Достаточно сказать, что, несмотря на неудачи, он трижды (!) пытался поступить в академию Генерального штаба и не отказался от своего замысла до тех пор, пока не добился успеха. В академические годы он проявил себя как целеустремленный, упорный и честолюбивый в хорошем смысле этого слова офицер. О мужестве Акулинина свидетельствуют подвиги, совершенные им во время Русско-

*Рис. 7. Дочь И.Г. Акулинина Людмила
Архив семьи Цибулиных. Публикуется
впервые*

*Рис. 8. Дочь И.Г. Акулинина Людмила
Архив семьи Цибулиных. Публикуется
впервые*

*Рис. 9. Дочь И.Г. Акулинина Людмила с сыновьями Ростиславом и Николаем
Архив семьи Цибулиных. Публикуется впервые*

японской и Первой мировой войн. Его ратный труд отмечен высшими военными наградами России и Франции. Дореволюционная карьера Акулинина представляется едва ли не образцовой.

Связав свою судьбу с антибольшевистским движением оренбургского казачества и его лидером атаманом А.И. Дутовым, Акулинин остался верен Дутову и при жизни атамана (в частности, способствовал предотвращению заговора против Дутова в декабре 1918 г.), и после его смерти (в своих работах всегда с пиететом отзывался об оренбургском атамане). Из всех вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества Акулинин, пожалуй, обладал наибольшим интеллектом. Наряду со своим однокашником В.О. Каппелем Акулинин был одним из лучших генштабистов колчаковской армии. То, что именно этот человек был ближайшим соратником атамана

Дутова, безусловно, свидетельствует и в пользу самого атамана.

Акулинин проявил себя в период Гражданской войны как способный военачальник и администратор. Как помощник Дутова и один из руководителей Оренбургского военного округа, вместе с другими сподвижниками Дутова и самим атаманом он участвовал в развертывании на основе структур, прежде всего, Оренбургского казачьего войска Юго-Западной, а позднее Отдельной Оренбургской армии, основу которых составляли оренбургские казаки. Эта армия успешно действовала против красных на вверенном фронте на протяжении 1918–1919 гг. Впоследствии преобразованная в Южную армию, она сражалась на Южном Урале даже тогда, когда оказалась расположена уступом впереди всего колчаковского Восточного фронта. Таким образом, это объединение по своим боевым

качествам ничуть не уступало другим белым армиям Востока России.

Вверенные Акулинину войска терпели неудачи не вследствие некомпетентности или ошибок своего начальника, а, прежде всего, в силу системных ошибок военного строительства белых и их невыгодного стратегического положения при почти полном отсутствии коммуникаций в тылу. Весной 1919 г. Акулинин был одним из руководителей оренбургской наступательной операции, в ходе которой белые стремительно вышли на подступы к Оренбургу, но ввиду малочисленности сил и плохой связи не смогли добиться успеха. Осенью 1919 г. Акулинин сумел вывести остатки разбитой Южной армии белых из полосы занятой красными Ташкентской железной дороги на запад.

Поражение Белого движения привело к тому, что высококвалифицированный боевой генерал, герой двух войн, посвятивший многие годы жизни верной службе родине, оказался изгнан из своей страны. Приходилось начинать с нуля, искать новую профессию, влачить убогое беженское существование. Несмотря на все тяготы, Акулинин находил возможность вести активную общественную, исследовательскую и публицистическую деятельность. В эмиграции он стал широко известен как историк казачества и мемуарист.

Акулинину был чужд казачий сепаратизм, и он не мыслил казачество вне общероссийской борьбы с большевиками. Обращает на себя внимание и его скромность – став в эмиграции оренбургским Войсковым атаманом, он, в отличие от других лиц, также занимавших атаманские посты в разных казачьих войсках, никак не выпячивал свою должность и самого себя, а без особого шума вел активную работу на благо казаков, оказавшихся в Китае.

Трагизм ситуации, в которой оказались десятки тысяч ветеранов Белого движения на чужбине, не мог не ожесточать заслуженных людей, в одночасье оказавшихся у разбитого корыта и в полной изоляции от родины. Действие рождало противодействие. Идеино-политическая позиция Акулинина в эмиграции предопределялась итогами Гражданской войны и стремлением к

реваншу за поражение белых и жестокую политику расказачивания. Акулинин был среди множества ветеранов антибольшевистской борьбы, мечтавших о свержении большевизма вооруженным путем. Эти взгляды нашли свое проявление в деятельности эмигрантов в годы Второй мировой войны.

Тогда общественная деятельность Акулинина ограничивалась лишь работой в Казачьем совете во Франции. Из сохранившихся документов очевидна ориентация генерала на гитлеровскую Германию. Впрочем, дальше заявлений в силу возраста и состояния здоровья он не шел. Прогерманская ориентация была широко распространена в эмигрантских военных кругах, в особенности среди лидеров казачьего зарубежья и не исключала традиционного для белых стремления к борьбе за сильную единую Россию. Подобная близорукость привела к печальным последствиям для многих эмигрантов. В долгосрочной перспективе оказалась дискредитирована вся русская военная эмиграция.

Акулинин был сыном своей эпохи, одной из жертв излома российской истории, сложной и неоднозначной личностью, и в силу этих обстоятельств его действия надлежит оценивать в контексте тех вызовов времени, с которыми столкнулось все российское общество в XX веке.

Приложение

Библиография трудов И.Г. Акулинина

1. Очерки прилинейной жизни оренбургских казаков // Оренбургский казачий вестник. Оренбург. 1917. № 10. 21.07. С. 2.
2. Расквартирование оренбургских полков // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 11. 23.07. С. 4.
3. Войсковой клад // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 13. 28.07. С. 3.
4. Общеказацкая организация // Руль. Берлин. 1922. № 616. 07.12. С. 2.
5. Оренбургские казаки на Дальнем Востоке // Казачьи Думы. София. 1923. № 7. С. 13–14.
6. Донская станица в Берлине // Казачьи Думы. 1923. № 16. (Подп. И.А.).
7. Обращение к оренбургским казакам // Русский голос. Харбин. 1923. № 882. С. 4.

8. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками (Оренбургский фронт с конца 1917 года до конца 1919 года) // Казачьи Думы. 1924. № 21 (5). С. 2–9; № 22 (6). С. 6–14; № 23 (7). С. 22–30; № 24 (8). С. 7–15; № 25 (9). С. 3–14.
9. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое Дело. Кн. II. Берлин, 1927. С. 122–147.
10. Отряд Гущина // Возрождение. 1927. 04.07. С. 2.
11. Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества : Статья в сб. // Издание казачьего союза. Париж, 1928. С. 73–79.
12. Ген. Каппель // Часовой. Париж. 1929. № 1–2. С. 11.
13. Четыре атамана // Часовой. 1929. № 3–4. С. 4–6.
14. Оренбургский атаман ген. Дутов // Часовой. 1929. № 3–4. С. 6. (Подп. И. А-н).
15. Гибель адмирала Колчака // Часовой. 1929. № 3–4. С. 7.
16. В Оренбургском войске // Родимый Край (Ежемесячный казачий журнал). Париж, 1929. № 7. С. 22–25.
17. В Оренбургских станицах // Родимый Край. Париж, 1929. № 9. С. 35–36. (Псевд. – Степняк). Авторство этой работы установлено предположительно, исходя из того, что в русской эмиграции в Европе И.Г. Акулинин был, по сути, единственным автором работ по истории оренбургского казачества.
18. Подонская епархия // Казачий журнал. Париж, 1929. № 7. Ноябрь. С. 2–3.
19. Воздушные пути сообщения // Казачий журнал. 1929. № 8. Декабрь. С. 23–24.
20. Колчак и атаман Дутов // Возрождение. Париж, 1930. № 1711. 07.02. С. 2.
21. Оренбургское войско в борьбе с большевиками (Памяти Атамана Дутова) // Родимый Край. 1930. № 2 (12). С. 26–27.
22. На казачьих подводах // Казачий сборник. Издание казачьего союза. Париж, 1930. С. 80–90. Датировано автором – Париж, июль 1930.
23. Казаки на могиле неизвестного солдата // Часовой. 1930. № 39. 15.09. С. 28.
24. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками (Памяти Атамана Дутова) // Родимый Край. 1930. № 2 (12). С. 26–27.
25. Казаки в Перу // Родимый Край. 1930. № 10. С. 26–30; № 11. С. 18–22.
26. Казаки и октябрьский переворот // Родимый Край. 1930. № 11. С. 13–18.
27. Обращение к оренбургским казакам // Часовой. 1930. № 42. 03.10. С. 19.
28. К казакам оренбуржцам // Часовой. 1931. № 47. 15.01. С. 33.
29. Набат атамана Дутова // Родимый Край. 1931. № 2. С. 11–14.
30. У казаков на Дальнем Востоке // Родимый Край. 1931. № 6. С. 23–25; № 7. С. 29–30. (Псевд. – Казачий писарь). Авторство этой работы также установлено предположительно по уже озвученным основаниям.
31. Войсковой праздник Оренбургского казачьего войска // Часовой. 1932. № 83. 01.07. С. 19. (Псевд. – Оренбурец).
32. Ермак и Строгановы. Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам. К 350-летию завоевания Сибири (1582–1932). Париж, 1933. 64 с.
33. Конный бой под Вафангоу 17/30 мая 1904 года // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932 / под ред. Е.П. Березовского. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин, 1934. С. 88–91. Датировано автором – Париж, 01.03.1933.
34. На разведке под Вафандяном 31 мая (13 июня) 1904 года // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932 / под ред. Е.П. Березовского. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин, 1934. С. 113–116. Датировано автором – Париж, 01.03.1933.
35. Атаман А.И. Дутов // Оренбургский казак. Однодневная газета, издающаяся кружком ревнителей истории Оренбургского казачьего войска в день Св. Великомученика и Победоносца Георгия – войскового праздника оренбургских казаков. Харбин. 1933. № 4. 06.05. С. 3. Датировано автором – Париж, апрель 1933 г.
36. Восточный казачий союз // Казак. Париж. 1933. № 2. Май – июнь. С. 9–10.
37. На казачьем фронте во Франции. Письмо генерала Акулинина // Россия и казачество. Харбин. 1933. Октябрь. С. 8–9.
38. Из письма И.Г. Акулинина на имя Е.П. Березовского // Россия и казачество.

- Журнал Восточного казачьего союза. Харбин. 1935. № 9. С. 32.
39. Общеказачий праздник // Иллюстрированная Россия. Париж. 1935. № 42 (544). С. 10.
40. Атаман А. Дутов. К пятидесятилетию смерти // Иллюстрированная Россия. 1936. № 8 (562). 15.02. С. 5.
41. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай : Издво «Слово», 1937. 212 с.
42. Что вспомнилось // Оренбургский казак. Харбин, 1937. С. 7–16.
43. Г.А. Садчиков // Оренбургский казак. Харбин, 1937. С. 50.
44. Из боевого опыта // Часовой. 1937. № 184. 05.02. С. 5–8.
45. Марина Козолупова // Атаманский вестник. Орган донского атамана. Париж. 1937. № 6. Май. С. 20. (Подп. И. А-н).
46. По поводу «Истории Пугачевского бунта» // Атаманский вестник. 1937. № 6. Май. С. 25; № 7. Июнь – июль. С. 16–18.
47. Месть за Атамана Дутова // Атаманский вестник. 1937. № 7. Июнь – июль. С. 11. (Псевд. – Оренбурец).
48. Храм-памятник на могилах русских воинов во Франции // Атаманский вестник. 1937. № 7. Июнь – июль. С. 23–26.
49. Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азии. Харбин. 1937. № 34/6. С. 12–14. Датировано автором – Париж, 1937. 25.05. Аналогичный рукописный текст Акулинина датирован 30 августа 1934 г. (BDIC. Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (11)).
50. Очередная задача // Атаманский вестник. 1937. № 8. Август – сентябрь. С. 10–11.
51. По поводу «Капитанской Дочки» // Атаманский вестник. 1937. № 8. Август – сентябрь. С. 25–28.
52. Казачество в борьбе с большевиками // Атаманский вестник. 1937. № 9. Декабрь. С. 6–8.
53. Выставка 1812 года в Париже // Луч Азии. 1938. Февраль. № 42–2. С. 51. Датировано автором – Париж, 1938. 15.01.
54. Вступление русских войск в Париж в 1814 году (Из славного прошлого) // Луч Азии. 1938. Март. № 43–3. С. 39–40. Датировано автором – Париж, 1938. 10.02.
55. На казачьих подводах // Зов казака. Издание штаба Союза Казаков на Дальнем Востоке. Харбин, 1938. С. 18–21.
56. Конная атака у д. Драганы // Оренбургский казак. Харбин, 1938. С. 10–18. Датировано автором – Париж, 1938. 23.04.
57. [Рец.:] А.В. Зуев. В борьбе за Родину (Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом). 1918–1922 гг. Очерки. Харбин, 1937 г. (132 стр.) // Атаманский вестник. 1938. № 10. Апрель. С. 17. (Псевд. – Оренбурец).
58. [Рец.:] Зуев А.В. В борьбе за Родину. (Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом) 1918–1922 гг. Очерки. Харбин, 1937 г. // Часовой. 1938. № 212. 15.05. С. 20. (Псевд. – Оренбурец).
59. [Рец.:] «Оренбургский казак». Сборник, посвященный дню Войскового праздника Оренбургского Казачьего Войска. г. Харбин. 1938 г. // Часовой. 1938. № 216. 15.07. С. 16. (Псевд. – Оренбурец).
60. Войсковой праздник в Австралии Уральского казачьего войска // Атаманский вестник. 1938. № 11. Август. С. 28–29. (Псевд. – А.).
61. 3-я Донская казачья дивизия в боях под Суходолами и у ст. Травники, 1–3 сентября (19–21 августа): Воспоминания участника // Часовой. 1938. № 219. 15.09. С. 5–6; № 220. 01.10. С. 7; № 221. 15.10. С. 8–10; № 222/223. 01.11. С. 13–15; № 224/225. 01.12. С. 4–5.
62. [Рец.:] «Казачий клич» и «Зов казака». Издание штаба Союза казаков на Д/Востоке. Харбин. Маньчжу-Ди-Го (58 с. и 59 с.) // Часовой. 1938. № 222–223. 01.11. С. 22. (Псевд. – Оренбурец).
63. Вниманию казаков // Часовой. 1939. № 228–229. 01.02. С. 15. (Без указания авторства).
64. Российская империя и Казаки // Часовой. 1939. № 228–229. 01.02. С. 15–16.
65. Казаки в гражданской войне, и в эмиграции // Часовой. 1939. № 231. 10.03. С. 11–12.
66. Донской казачий съезд в Париже // Часовой. 1939. № 231. 10.03. С. 12. (Без указания авторства).
67. Войсковые праздники // Часовой. 1939. № 234. 01.05. С. 12. (Без указания авторства).

68. Войсковой праздник // Часовой. 1939. № 235. 15.05. С. 11.
69. В поезде: Картины прошлого (продолжение) // Луч Азии. 1939. № 57–5. Май. С. 31–35; № 60–8. Август. С. 13–15.
70. Казачество в Великой войне (1914–1917 гг.) // Часовой. 1939. № 240–241. 01.08. С. 25–27.
71. К казакам // Часовой. 1939. № 240–241. 01.08. С. 27–28. (Без указания авторства).
72. Казаки в гражданской войне // Казачий альманах. Париж. 1939. С. 110–122.
73. Суворов и казаки // Луч Азии. 1940. № 67–3. Март. С. 19–23.
74. К войсковым праздникам // Часовой. 1940. № 253. 01.12. С. 11.
75. Ген[ерал]-лейт[енант] Г.П. Жуков // Часовой. 1940. № 253. 01.12. С. 13. (Подп. – И.А.).
76. Российские просторы и казаки // Часовой. 1941. № 256. 20.01. С. 15–16.
77. Япония и Китай // Часовой. 1941. № 257. 05.02. С. 3–4.
78. К сведению казаков // Часовой. 1941. № 257. 05.02. С. 16.
79. Две психологии (Японская и Китайская) // Часовой. 1941. № 262. 10.05. С. 13.
80. Казачество в Великой войне (1914–1917 гг.) // Вестник казачьей выставки в Харбине. Харбин, 1943. С. 63–70. (Перепечатка из журнала «Часовой»).
81. Поездка Пушкина в Оренбург и Уральск // Луч Азии. 1943. № 106–6. Июнь. С. 14–20.

Статья поступила 01.06.2015 г.

Библиографический список

1. А.С. Казаки на могиле Неизвестного Солдата // Шанхайская заря. Шанхай. 1930. № 1491. 27.09.
2. Акулинин И.Г. В Оренбургском войске // Родимый край. Ежемесячный казачий журнал. Париж, 1929. № 7.
3. Акулинин И.Г. Вниманию казаков // Часовой. 1939. № 228–229. 01.02.
4. Акулинин И.Г. Ермак и Строгановы. Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам. К 350-летию завоевания Сибири (1582–1932). Париж, 1933.
5. Акулинин И. Казаки в Гражданской войне и в эмиграции // Часовой. 1939. № 231. 10.03.
6. Акулинин И.Г. Казаки на могиле неизвестного солдата // Часовой. 1930. № 39. 15.09.
7. Акулинин И.Г. Казачество в борьбе с большевиками // Атаманский вестник. 1937. № 9. Декабрь.
8. Акулинин И. Казачество в Великой войне (1914–17 гг.) // Часовой. 1939. № 240–241. 01.08.
9. Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937.
10. Акулинин И.[Г.] Очередная задача // Атаманский вестник. 1937. № 8. Август – сентябрь.
11. Акулинин И. Поездка Пушкина в Оренбург и Уральск. История Пугачевского бунта – Капитанская дочка / Луч Азии. Харбин. 1943. № 106/6.
12. Акулинин И.Г. Российские просторы и казаки // Часовой. 1941. № 256. 20.01.
13. Акулинин И.Г. Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азии. 1937. № 34/6.
14. Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Кн. 2. Берлин, 1927.
15. Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Denisov collection. Box 3. Folder 11.
16. HIA. P.A. Koussonsky collection. Box. 12. Folder 49.
17. Атаманский вестник. Орган донского атамана. 1937. № 6. Май.
18. Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (10).
19. BDIC. Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (11).
20. Билый И. Трагедия оренбургского войска. Книга ген. И.Г. Акулинина «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками» (вместо рецензии) // Вольное казачество. Париж. 1937. № 232. 10.11.

21. В. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками И.Г. Акулинина (1917–1920). Изд. «Слово». Шанхай. 1937 г. // Часовой. 1937. № 198. 20.10.
22. Волкова М.В. Не растет ковыль на чужбине!.. Ростов-на-Дону, 2001.
23. Гос. архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 5.
24. ГА РФ. Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 16.
25. ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 7.
26. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 4.
27. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 31.
28. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 94.
29. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135.
30. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 141.
31. ГА РФ. Ф. Р-5845. Оп. 1. Д. 2.
32. ГА РФ. Ф. Р-5872. Оп. 1. Д. 214.
33. ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8.
34. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 162.
35. ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 47.
36. ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 77.
37. ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 2. Д. 3.
38. ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 11.
39. ГА РФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 19.
40. ГА РФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 24.
41. ГА РФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 25.
42. ГА РФ. Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 121.
43. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 1. Д. 125.
44. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 1. Д. 143.
45. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 18.
46. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 34.
47. ГА РФ. Ф. Р-6461. Оп. 2. Д. 35.
48. ГА РФ. Ф. Р-6679. Оп. 1. Д. 35.
49. ГА РФ. Ф. Р-6679. Оп. 1. Д. 115.
50. ГА РФ. Ф. Р-6679. Оп. 1. Д. 116.
51. ГА РФ. Ф. Р-7035. Оп. 1. Д. 3.
52. Грезин И. Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des Bois = Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995.
53. Елисеев Ф.И. На коне по Белу Свету // Джигитовка казаков по Белу Свету. М., 2006.
54. Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932.
55. Из письма И.Г. Акулинина на имя Е.П. Березовского // Россия и казачество (Харбин). Журнал Восточного казачьего союза. 1935. № 9.
56. Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника) / сост. С.А. Александров. М., 1998.
57. Казак (Париж). 1933. № 1.
58. Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928.
59. Казачий словарь-справочник. Т. 3. Сан Ансельмо, 1969.
60. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971.
61. Криштафович Б. «Оренбургское казачье войско в борьбе с большев[ика]ми в 1917–20 гг.» (Новая книга ген. И.Г. Акулинина) // Атаманский вестник. 1937. № 9. Декабрь.
62. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А.Н. Вагина. Вых. 6.
63. Письмо А.Б. Арсеньева автору от 17 апреля 2000 г. // Архив автора.
64. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): учеб. пособие. М., 1994.
65. Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Док. и мат. М., 2006.
66. Российский Зарубежный Съезд в Париже 4–11 апреля 1926 г. Париж, 1926. Журналы заседаний (раздельная пагинация).
67. Российский гос. Военный архив. Ф. 730 (К). Оп. 1. Д. 5.
68. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Биографический словарь. М., 2008. Т. 1. А-К.
69. Руль (Берлин). 1922. 7.12 (24.11). № 616.
70. Русские во Франции / под ред. В.Ф. Зеелера. Париж, 1937.
71. Серков А.И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
72. Скачков П. Восточно-казачий союз // Казачьи Думы. 1923. № 16. 30 декабря.
73. «Устроиться всем казакам в пределах Китая не представляется возможным...» Письмо и памятная записка об оренбургских казаках генерал-майора И.Г. Акулинина / Публ. А.В. Ганина // Источник. Документы русской истории. 2002. № 1.
74. Хохульников К.Н. Генерал, исследователь, публицист // Станица (Москва). 1999. № 1.
75. Худобородов А.Л. Политические настроения и организации казаков-

эмигрантов (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 1996. № 1 (2).

76. Худобородов А.Л. Общественная и политическая деятельность оренбургских казаков в эмиграции (1920 – сер.1940-х гг.) //

Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997.

77. Часовой. 1936. № 169–170. 01.06. С. 32.

78. Часовой. 1939. № 228–229. 01.02. С. 3.

79. Часовой. 1948. № 278. Октябрь. С. 21.

References

1. A.S. Kazaki na mogile Neizvestnogo Soldata [Cossacks at the grave of the Unknown Soldier], Shankhai, *Shankhaiskaya zarya*, 1930, No. 1491, 27.09.

2. Akulinin I.G. V Orenburgskom voiske [In Orenburg host], Paris, *Rodimyi kraj*, 1929, No. 7.

3. Akulinin I.G. Vnimanuyu kazakov [To the Cossack attention], *Chasovoi*, 1939, No. 228–229, 01.02.

4. Akulinin I.G. *Ermak i Stroganovy. Istoricheskoe issledovanie po sibirskim letopisyam i tsarskim gramotam. K 350-letiyu zavoevaniya Sibiri (1582–1932)* [Ermak and Stroganoffs. Historical research based on Siberian chronicles and Tsar letters], Paris, 1933.

5. Akulinin I. Kazaki v Grazhdanskoi voine i v emigratsii [Cossacks in Civil War and emigration], *Chasovoi*, 1939, No. 231, 10.03.

6. Akulinin I.G. Kazaki na mogile neizvestnogo soldata [Cossacks at the grave of the Unknown Soldier], *Chasovoi*, 1930, No. 39, 15.09.

7. Akulinin I.G. Kazachestvo v bor'be s bol'shevikami [Cossacks in the struggle against Bolsheviks], *Atamanskii vestnik*, 1937, No. 9, december.

8. Akulinin I. Kazachestvo v Velikoi voine (1914–17 gg.) [Cossacks in the Great War (1914–17)], *Chasovoi*, 1939, No. 240–241, 01.08.

9. Akulinin I.G. *Orenburgskoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shevikami. 1917–1920* [Orenburg Cossack host in the struggle against Bolsheviks. 1917–1920], Shankhai, 1937.

10. Akulinin I.[G.] Ocherednaya zadacha [The next task], *Atamanskii vestnik*, 1937, No. 8, august – september.

11. Akulinin I. Poezdka Pushkina v Orenburg i Ural'sk. Istoriya Pugachevskogo bunta – Kapitanskaya dochka [Pushkin trip to Orenburg and Ural'sk. History of Pugachev

rebellion – Captain's daughter], *Luch Azii*, Kharbin, 1943, No. 106/6.

12. Akulinin I.G. Rossiiskie prostory i kazaki [Russian open spaces and Cossacks], *Chasovoi*, 1941, No. 256, 20.01.

13. Akulinin I.G. Spravka po istorii Orenburgskogo kazach'ego voiska [Information on the history of Orenburg Cossack host], *Luch Azii*, 1937, No. 34/6.

14. Akulinin I.G. Ural'skoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shevikami [Ural Cossack host in the struggle against Bolsheviks], Berlin, *Beloe delo*, 1927, vol. 2.

15. Arkhiv Guverovskogo instituta [Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA], *Denisov collection*. Box 3. Folder 11.

16. HIA. P.A. Koussonsky collection. Box 12. Folder 49.

17. *Atamanskii vestnik*. Organ donsogo atamana, 1937, No. 6, may.

18. Biblioteka sovremennoi mezhdunarodnoi dokumentatsii (Nanter, France). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (10).

19. BDIC. Recueil. Associations des Cosaques en France. F Δ rés 891 (11).

20. Bilyi I. Tragediya orenburgskogo voiska. Kniga gen. I.G. Akulinina «Orenburgskoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shevikami» (vmesto retsenzii) [Tragedy of Orenburg . Book of gen. I.G. Akulinin “Orenburg Cossack host in the struggle against Bolsheviks” (instead of review)], *Vol'noe kazachestvo*, Paris, 1937, No. 232, 10.11.

21. V. Orenburgskoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shevikami I.G. Akulinina (1917–1920). Izd. «Slovo». Shankhai. 1937 g. [V. Orenburg Cossack host in the struggle against bolsheviks by I.G. Akulinin (1917–1920)], *Chasovoi*, 1937, No. 198, 20.10.

22. Volkova M.V. *Ne rastet kovyl' na chuzhbine!..* [Feather grass does not grow in a foreign land!..], Rostov-on-Don, 2001.
23. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5761. Op. 1. D. 5.
24. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5761. Op. 1. D. 16.
25. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5796. Op. 1. D. 7.
26. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 4.
27. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 31.
28. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 94.
29. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 135.
30. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5826. Op. 1. D. 141.
31. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5845. Op. 1. D. 2.
32. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5872. Op. 1. D. 214.
33. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5873. Op. 1. D. 8.
34. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5881. Op. 2. D. 162.
35. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5942. Op. 1. D. 47.
36. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5942. Op. 1. D. 77.
37. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5942. Op. 2. D. 3.
38. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5945. Op. 1. D. 11.
39. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5963. Op. 1. D. 19.
40. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5963. Op. 1. D. 24.
41. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5963. Op. 1. D. 25.
42. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5968. Op. 1. D. 121.
43. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 1. D. 125.
44. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 1. D. 143.
45. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 2. D. 18.
46. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 2. D. 34.
47. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6461. Op. 2. D. 35.
48. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6679. Op. 1. D. 35.
49. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6679. Op. 1. D. 115.
50. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6679. Op. 1. D. 116.
51. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. R-7035. Op. 1. D. 3.
52. Grezin I. Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des Bois = Alfavitnyi spisok russkikh zakhoronenii na kladbishche Sent-Zhenev'ev-de-Bua, Paris, 1995.
53. Eliseev F.I. Na kone po Belu Svetu [On a horse throw the world], *Dzhigitovka kazakov po Belu Svetu*, Moscow, 2006.
54. Enborisov G.V. *Ot Urala do Kharbina. Pamyatka o perezhitom* [From Ural to Kharbin. A reminder of the experience], Shanghai, 1932.
55. Iz pis'ma I.G. Akulinina na imya E.P. Berezovskogo [From the letter of I.G. Akulinin to E.P. Berezovsky], *Rossiia i kazachestvo, zhurnal Vostochnogo kazach'ego soyuza*, Harbin, 1935, No. 9.
56. Aleksandrov S.A. *Istoricheskaya nauka rossiiskoi emigratsii 20–30-kh gg. XX veka (Khronika)* [History science in Russian immigration in 1920–1930 (Chronicle)], Moscow, 1998.
57. *Kazak*, Paris, 1933, No. 1.
58. Kazachestvo: *Mysli sovremennikov o proshlom, nastoyashchem i budushchem kazachestva* [Cossacks: Contemporaries thoughts about the past, present and future of Cossacks] Paris, 1928.
59. *Kazachii slovar'-spravochnik*, vol. 3, San Ansel'mo, 1969.
60. Kovalevskii P.E. *Zarubezhnaya Rossiya* [Foreign Russian], Paris, 1971.
61. Krishtafovich B. «Orenburgskoe kazach'e voisko v bor'be s bol'shev[ika]mi v 1917–20 gg.» (Novaya kniga gen. I.G. Akulinina) [Orenburg Cossack host in the struggle against Bolsheviks in 1917–20 (New book of gen. I.G. Akulinin)], *Atamanskii vestnik*, 1937, No. 9, December.
62. *Muzei russkoi kul'tury v San-Frantsisko. Kolleksiya A.N. Vagina* [Museum of Russian

- Culture in San-Francisco. Collection of A.N. Vagin], Box 6.
63. *Pis'mo A.B. Arsen'eva avtoru ot 17 aprelya 2000 g. Arkhiv avtora* [A.V. Arsenyev letter to the author, April, 17, 2000. Author's archive].
64. *Rossiiskaya emigratsiya v Turtsii, Yugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope 20-kh godov (grazhdanskie bezhentsy, armiya, uchebnye zavedeniya)* [Russian emigration in Turkey, South-Eastern and Central Europe in 1920s (civilian refugees, military and educational institutions)], Moscow, 1994.
65. *Rossiiskii Zarubezhnyi S'ezd. 1926. Paris: Dok. i mat.* [Foreign Russian Congress. 1926. Paris: Documents and data], Moscow, 2006.
66. *Rossiiskii Zarubezhnyi S'ezd v Parizhe 4–11 aprelya 1926 g.* [Foreign Russian Congress in Paris, April, 4–11, 1926], Paris, 1926. Zhurnaly zasedanii (razdel'naya paginatsiya).
67. *Rossiiskii gos. Voennyi arkhiv* [Russian State Military Archive]. F. 730 (K). Op. 1. D. 5.
68. *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii, 1919–2000: Biograficheskii slovar'* [Russian emigration in France, 1919–2000: Biographical dictionary], Moscow, 2008, vol. 1. A–K.
69. *Rul'*, Berlin. 1922, No. 616, 7 december.
70. Zeeler V.F. *Russkie vo Frantsii* [Russians in France], Paris, 1937.
71. Serkov A.I. *Russkoe masonstvo 1731–2000* [Russian Masonry], Entsiklopedicheskii slovar', Moscow, 2001.
72. Skachkov P. Vostochno-kazachii soyuz [Eastern Cossacks Union], *Kazach'i Dumy*, 1923, No. 16, 30 december.
73. «*Ustroit'sya vsem kazakam v predelakh Kitaya ne predstavlyaetsya vozmozhnym...*» *Pis'mo i pamyatnaya zapiska ob orenburgskikh kazakh general-maiora I.G. Akulinina* [“Get all the Cossacks within China is not feasible...” Letter and memo about Orenburg Cossacks written by general-major I.G. Akulin] Publ. A.V. Ganina, Istochnik. Dokumenty russkoi istorii. 2002. No.1.
74. Khokhul'nikov K.N. General, issledovatel', publitsist [General, researcher and publicist], *Stanitsa*, Moscow, 1999, No. 1.
75. Khudoborodov A.L. Politicheskie nastroeniya i organizatsii kazakov-emigrantov (1920-e – nachalo 1930-kh gg.) [Political mood and Cossack-emigrants organizations (1920s–early1930s)], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1996, No. 1 (2).
76. Khudoborodov A.L. Obshchestvennaya i politicheskaya deyatel'nost' orenburgskikh kazakov v emigratsii (1920 – ser.1940-kh gg.) [Social and political activity of Orenburg Cossacks in immigration (1920–middle 1940s)], *Orenburgskoe kazach'e voisko: voinskaya sluzhba i obshchestvennaya zhizn'*, Chelyabinsk, 1997.
77. *Chasovoi*, 1936, No. 169–170, 01.06, p. 32.
78. *Chasovoi*, 1939, No. 228–229, 01.02, p. 3.
79. *Chasovoi*, 1948, No. 278, october, p. 21.

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина» (Москва), 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, тел.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Ganin Andrei Vladislavovich, Doctor Hab., Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Editor of the journal «Rodina» (Moscow), 119991, Russia, Moscow, Leninskii prospect, 32-A, tel.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru